

ЙОНАС ЛЮШЕР

ВЕЧНА ВАРВАРОВ

*Человек превращается в дикого зверя, когда
дело доходит до его сбережений...*

Йонас Люшер Весна варваров

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8950141
Йонас Люшер. Весна варваров: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07863-8*

Аннотация

Ближайшее будущее Европы – каким оно будет? Автор придумал свою версию от начала и до конца, но звучит она невероятно правдоподобно.

В роскошном тунисском отеле-оазисе молодые успешные англичане из финансовых кругов играют пышную свадьбу. И вдруг в одну ночь кризис рушит все – их карьеру, планы на будущее... Фунт рухнул, Англия обанкротилась. Что же дальше? Благополучные ранее европейцы вмиг отказываются от устоев цивилизации и всех приличий, а свадебный лукуллов пир оборачивается настоящей вакханалией.

«Весна варваров» – это диагноз, поставленный писателем современному обществу – стильно, необычно и смешно. Столь кратко и столь обворожительно о будущем Европы еще никто не рассказывал...

Содержание

I	5
II	15
III	23
IV	31
V	37
VI	44
VII	57

Йонас Люшер

Весна варваров

© Перевод. Зоркая Мария, 2014

© «Axe Handles», Gary Snyder, 1983, in: Gary Snyder: Axe Handles, Poems by Gary Snyder, Counterpoint Press, San Francisco.

© Verlag C. H. Beck oHG, Munich, 2013

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014.

Что есть «варварство» на самом деле? Нет, оно не тождественно культурной примитивности, движению времени вспять. Это состояние, в котором наличествуют многие ценности высокой культуры, но существуют они вне общественных и моральных взаимосвязей, а те ведь и есть предпосылка для рационального функционирования культуры. Но именно поэтому «варварство» – это еще и творческий процесс: когда целостность культуры разрушена, открывается путь для обновления творческих сил. Но бесспорно, что этот путь может вести через развал политической и экономической жизни, через столетия духовного и материального оскудения, через ужасные страдания. Наш особый тип цивилизации и культуры, возможно, в целом и не выживет, но не следует сомневаться, что плоды цивилизации и культуры сохранятся в какой-то форме. История не дает оснований полагать, что итогом станет *tabula rasa*.

Франц Боркенау

I

– Нет, – сказал Прейзинг, – не о том ты спрашиваешь.

Он встал посреди дорожки, чтобы подчеркнуть серьезность своего упрека.

Невыносимая его привычка... Из-за нее мы гуляем по этой посыпанной гравием дорожке, как две старые, страдающие одышкой и избыточным весом таксы. И все же каждый день я именно с Прейзингом выхожу на прогулку, ведь он, несмотря на все досадные черты характера, для меня здесь лучший товарищ.

– Нет, – повторил Прейзинг, наконец тронувшись с места, – ты спрашиваешь не о том.

Прейзинг говорил уж очень много, к тому же высказываниям своим он придавал чрезвычайное значение, да еще и знал наперед, как следовало бы поставить вопрос, дабы поток его словес устремлялся в нужное русло. Мне – в известной степени узнику здешних мест – ничего почти не оставалось, как только следовать намеченному им курсу.

– Погоди-ка, – продолжал он, – я сумею подыскать тому доказательства и ради исполнения такового намерения поведаю тебе некую историю.

Вот опять одна из привычек: использовать такие обороты речи, которые сохранились, как он доподлинно знал, единственно в его репертуаре. Подозреваю, впрочем, что эту дурь за последние недели волей-неволей позаимствовал у него и я сам. Порой возникали веские причины усомниться в том, что общение шло и ему, и мне на пользу.

– История весьма поучительная, – пообещал он. – История, сплошь состоящая из невероятных поворотов, опасных приключений и экзотических соблазнов.

Тот, кто ожидает теперь скабрезного рассказа, глубочайшим образом ошибается. Прейзинг никогда не упоминал о своей интимной жизни. Тут мне и опасаться не стоило – я слишком хорошо его знал. Да была ли та жизнь? Остается лишь строить предположения, с трудом воображая эдакое. Хотя и обмануться легко. Ведь я сам иногда удивляюсь, глядя в зеркало, что человек, в котором так мало жизни, способен был отдать кому-то ее частичку. Прейзинг, готовясь приступить к рассказу, задержал шаг, как будто бросая взгляд в прошлое, вроде бы представшее ему на горизонте, а горизонт у нас тут совсем неподалеку, ибо он образован верхним краем желтой стены. Еще Прейзинг прищуривал глаза, задирая повыше нос и складывал трубочкой свои тонкие губы.

– Возможно, – завел он наконец рассказ, – вовсе ничего бы и не случилось, когда бы Проданович не отправил меня в отпуск.

Проданович – это не домашний врач, хотя именно он поместил сюда Прейзинга. Проданович – это некогда молодой и все еще блестящий сотрудник Прейзинга, тот самый, кто изобрел вольфрамовую схему-СВС – электронный элемент, без которого во всем мире ни одна антенна радиосвязи не могла бы осуществлять свою работу и который спас унаследованное Прейзингом командитное товарищество по приему телевизионного сигнала и наружным антеннам от грозящего банкротства, а далее вывел его на немыслимые высоты лидерства в производстве схем-СВС на мировом рынке.

Отец Прейзинга, повременив с уходом в иной мир ровно столько времени, сколько понадобилось самому Прейзингу, чтобы завершить экономическое образование, прерванное полуторагодовой учебой в частной школе вокального искусства в Париже, завещал сыну производство телевизионных антенн с тридцатью пятью работниками в то время, когда кабельное телевидение давно уже вступило в свои права. Фирма, выросшая из дедовской мануфактуры «Дроссель & Потенциометр», где предки Прейзинга ранили пальцы в кровь, перематывая тонкую медную проволоку, обеспечивала тогда едва ли не весь свой оборот производством многометровых, но почти безусых, а оттого действительно недоро-

гих антенн, которые радиолюбители – увы, тоже вымирающая порода – имели обыкновение ставить на крышах.

Прейзинг, лично ни в чем не повинный, возглавил гиблую ту фирму, когда требовалось принять ряд действенных решений, то есть и сомневаться не стоит, что предприятие не дожило бы доныне, если бы тот самый Проданович, молодой специалист-метролог, не разработал вольфрамовую схему-СВС и не взял бразды правления в свои руки. Значит, Проданович был в ответе и за то, что Прейзинг со временем стал не просто состоятельным собственником, но еще и генеральным директором общества с полутора тысячами сотрудников и филиалами на пяти континентах. Для видимости хотя бы, ведь операционную деятельность динамичного предприятия, ныне носившего динамичное название *Prixxing*, давно вел Проданович вместе с командой успешных людей, готовых к принятию решений и созданию ценностей.

Однако и Прейзинг как лицо фирмы был пока востребован, ибо Проданович знал, что одного у Прейзинга не отнять: он умеет внушить ощущение надежности, прочности семейной фирмы в четвертом поколении. Лишь в этом одном отказывал себе Проданович, сын боснийского буфетчика, ибо сам придерживался мнения, что балканщина символизирует нестабильность, а уж такого впечатления следует избегать любой ценой. Проданович, когда только позволял плотный график, с удовольствием проводил по городским школам непродолжительные встречи с трудновоспитуемыми, являя собой пример успешной интеграции в общество. Итак, этот самый Проданович, обладатель всех полномочий, отправил Прейзинга в отпуск. Именно так он поступал, когда назревала необходимость важных решений.

Прейзингу удалось, как я сразу догадался, с самых первых слов своего рассказа увильнуть от ответственности: мол, виновник последующих событий вовсе не он сам.

Не пришлось ему и решать, куда ехать. Проданович, сама эффективность, всегда старался совместить приятное с полезным. В данном случае это означало, что Прейзингу надо слетать в Тунис, где в низеньком строеньице из гофрированной стали в промышленной зоне, каких немало вокруг Сфакса, прямо на дороге в столицу размещается одно из их предприятий-поставщиков. Хозяин сборочного завода Слим Малук – оборотистый делец, развернувший деятельность в таких несходных областях, как изготовление электронных приборов, торговля фосфатами и эксклюзивный туризм. Ему принадлежит целый ряд элитных отелей, Прейзинг станет его гостем.

Малук искал сближения со всеми, кто имел какое-то отношение к телекоммуникациям, но не просто оттого, что за телекоммуникациями он видел будущее, теперь это каждый видит, а ради спасения фамильного предприятия. Четырем своим умным и, как заверял Прейзинг, внешне весьма приглядным дочерям он не мог передать – к великому сожалению, но таковы тунисские порядки – управление семейным холдингом, так что ответственность ложилась полностью на плечи его сына. На плечи Фуада Малука, преждевременно согбенные под моральной тяжестью изучения геоэкологии в Париже, что не позволяло ему возглавить фирму, где основной оборот делают фосфаты, которые впоследствии в виде искусственных удобрений лежат на салатных полях Европы. Фуад даже грозил отцу попытать счастья в каком-то экологически чистом крестьянском хозяйстве департамента Ло. Слим Малук, человек не просто порядочный (Прейзинг полагал, что составил о нем верное представление), но еще и разумный, намеревался отойти от фосфатов и сделать упор на телекоммуникации, отчего и возлагал надежды на знакомство с Прейзингом.

Итак, Прейзингу предстояло бегство из туманного Зееланда напрямик в тунисскую весну. Твидовый пиджак и вельветовые брюки цвета бургундского вина он сменил на пиджак в мелкую клетку цвета яичного ликера и свободные хлопковые штаны с заутюженной склад-

кой – костюм, с его точки зрения, недопустимый, однако подготовленный для него экономкой, которую он побоялся обидеть, а потому лишь мягко улыбнулся и уселся в ее машину (ведь собственной машины Прейзинг не имел), чтобы та отвезла его в аэропорт.

– Полет прошел на редкость приятно, – уверял меня Прейзинг. – Против обыкновения, я употреблял спиртное. Стюардесса меня не расслышала и вместо заказанного сока подала виски, но я не стал отказываться, я расчувствовался из-за того, что ее нескладная фигура столь резко не соответствовала бесчисленным стилизованным газелям, украшавшим ее униформу. Стюардесса была действительно нехороша собой, а пассажиры, считая себя лишенными одного из удовольствий, которое якобы оплатили вместе с приобретенным авиабилетом, пытались на ней отыграться. Справедливости ради следовало использовать любую возможность быть с нею полубезнее, поэтому за первой порцией виски последовала вторая, а за второй порцией последовала третья.

Слим Малук в сопровождении старшей из дочерей встречал Прейзинга в прохладном зале аэропорта Тунис-Карфаген, и, когда Прейзинг увидел, каким на зависть величавым взмахом руки Малук отогнал по жаре водителя такси от здания аэропорта и пригнал на его место своего шофера, он на миг едва не поверил сплетне, будто Малук является внебрачным сыном Роже Тринкье, автора пособия «*La Guerre Moderne*»,¹ и его алжирской любовницы, которая в ту ночь, когда французы оставили Магриб, с малюткой Слимом на руках бежала в Тунис через пустыню. Благодаря своим прелестям и освоенной машинописи, она вскоре устроилась здесь на место секретарши, а далее жены некоего второразрядного депутата из партии Нео-дестур, замышлявшего покушение на президента Бургибу, осуществить которое не позволил лишь инфаркт, разбивший парламентария посреди заседания и заодно принесший ему, погибшему при несении службы отечеству, посмертный орден, а его вдове, бывшей любовнице французского палача алжирцев, изрядную пенсию.

Но источник, как помнилось Прейзингу, недостоверен. Этот сюжет поведал ему некий человек по имени Монсеф Дагфус, который не просто был злейшим конкурентом Малука, но еще и предлагал Прейзингу сборку схем-СВС на своем заводе в пригороде Туниса по значительно более выгодной цене, причем откровенно признавался, что эта исключительно выгодная цена объясняется в первую очередь использованием труда беженцев из Дарфура, малолетних динка. Да еще и называл их ловкими ребятами. Прейзинг рад бы сразу отказаться, но ведь с детским трудом все не так-то просто. Вспомнилось ему, как однажды они с Продановичем ужинали в клубе либералов-предпринимателей, а сосед по столу объяснял, насколько сложна вся история с этим детским трудом. Намного сложнее, чем того желал бы любой доброхот, да ведь дело-то совсем не простое, а при определенных обстоятельствах оно, может, и не худшее из зол. Сейчас Прейзинг не был уверен, что столкнулся с теми самыми определенными обстоятельствами, ведь тогда он с большим усилием вникал в пояснения молодого человека. Но на всякий случай он отложил решение, ведь хорошо бы сначала посоветоваться с Продановичем, так что Монсеф Дагфус, услышав весьма смутные отговорки, остался не при делах.

Но в оценке он ошибся. Он принял Прейзинга за крупного игрока. Скомпрометировав Слима Малука, своего конкурента, сомнительным его происхождением, завлекая Прейзинга невероятно низкими ценами, но все равно не став ему деловым партнером, он пустил в ход тяжелую артиллерию и вызвал шестерых своих дочерей. Мол, предоставляется возможность выбора, бери любую, а по возрасту все они на выданье, правда, вторая слева уже помолвлена, но в случае необходимости отчего же не устроить жениху дорожную аварию, хотя дело это

¹ «Современная война» (франц.).

деликатное, да вдобавок и пять остальных ничем не уступают шестой, нареченной. «Voilà!» – сказал он, указав на своих дочерей и разведя руками. «Voilà!» – отозвался Прейзинг, ибо не знал, что сказать.

Разумеется, Прейзинг был шокирован, но ведь он – убежденный сторонник культурного релятивизма, причем весьма далекого от шовинизма толка. Его либеральные взгляды – тепленький, как вода в детской ванночке, релятивизм. Тем не менее он всегда готов вынести перед собой на прогулку, подобно хоругви, этику добродетелей. Прейзинга, большого поклонника Аристотелева учения о «мезотес», всегда утешало, что эту самую «середину» не вычислить арифметическим способом, она определяется – да, вот именно – в каждом случае отдельно. А тут сталкивались миры. Тут следовало быть поосторожней. Труднейший для него случай, когда надо всерьез пораскинуть умом.

Я уж было испугался, что его рассказ клонится к магрибской Шехерезаде. Вот он, экзотический соблазн: Прейзинг перед лицом шести тунисских малолеток, предложенных ему отцом как *choix de fromage*, как сыр на выбор в ресторане «Кроненхалле». История все-таки грозила стать скабрезной.

– Но именно тогда, когда стало совсем неумоготу, – продолжал Прейзинг, – когда этот человек принялся мне пенять, что если дочери недостаточно хороши, то нет ли смысла выпроводить их отсюда, а взамен пригласить троих его сыновей, когда я приложил все усилия, заверяя его, что выбор мучителен, ибо каждая из шести неповторима в своей привлекательности, а сам внутренне пытался найти выход, чтобы вовсе отказаться от предложения, но не обидеть его смертельно, именно тут явился за ним прислужник, на лице – лихорадочные красные пятна. Пожар на одном из фосфатных заводов! Монсеф Дагфус, оставляя меня на попечение дочерей, которые трогательнейшим образом за мною ухаживали, пообещал вскоре вернуться, чтобы узнать о моем решении.

Однако этого не случилось. Покуда дочери под надзором старухи подносили мне чай и сладости, Монсеф Дагфус размахивал руками и дико орал, пытаясь загнать рабочих обратно в очаг пожара, чтобы те вступили в битву с огнем. Но ни взмахи, ни страдание не возымели действия, и тогда он схватил ведро песка с лопатой и шагнул, подавая пример личного мужества, напрямик к горящему складу, навстречу порожденной мощным взрывом ударной волне, оторвавшей Дагфусу голову, а его фосфатный завод, гофрированную сталь, допотопные конвейеры, французские экскаваторы и американские погрузчики разметавшей широким радиусом по каменистому ландшафту.

– Тот же слуга принес печальную весть, и я настроился на фольклорный траурный обряд. Громкие стенания, вырывание волос пучками, картинное расцарапывание искаженных горем лиц, обмороки и все такое прочее. Вместо этого шесть дочерей молча переглянулись, унесли стаканы и серебряный чайник, а меня выставили за дверь с недоеденной пахлавой в руке.

Правду ли рассказывал Прейзинг, нет ли – нипочем не разберешь, но суть не в том. Для Прейзинга суть в морали. По его мнению, в любой истории, достойной пересказа, содержится мораль. Обычно эти истории свидетельствуют о собственной его благоразумности, которую он столь высоко превозносит.

Благоразумности, которую доктор Бечарт считает подлежащей лечению, но для которой даже через три недели после поступления Прейзинга все еще не подыскала точного определения в психопатологии. Диагностика затрудненная, симптоматика неявная, к тому

же нежелание пациента признать свою болезнь, проявлявшееся то вдруг в любезности и доброжелательности, то опять в твердолобом упрямстве, нисколько не упрощало дела.

Моя заурадная депрессия несравненно проще поддавалась диагностике и тем самым не представляла особого интереса. Хотя оба мы – что Прейзинг, что я – не могли признать себя способными к самостоятельным действиям. Ему удалось приписать этот явный порок к своим добродетелям. Я же, напротив, очень от него страдаю. Но попытка что-либо изменить означала бы действие.

– Так или иначе, – продолжал Прейзинг, – сведения поступили из недостоверного источника, да и без того поведение Слима Малука не давало ни малейшего повода усомниться в безупречном его происхождении. По всей форме усадил он меня рядом с дочерью Саидой на заднее сиденье французского лимузина, чьи мореходные качества на разбитых мостовых Туниса вызвали у меня в памяти скачку на верблюде – впрочем, о верблюдах несколько позже, – перебил Прейзинг сам себя. – Слим Малук захлопнул за мною дверцу, а сам сел за руль стоявшего совсем рядом, но не замеченного мною внедорожника. Прижав трубку к уху и обворожительно сделав нам ручкой, он умчался прочь. Мы увидимся снова лишь вечером. К глубочайшему сожалению, как он меня уверял, ссылаясь на исключительную занятость, но зато Саида позаботится обо мне и проводит в один из находящихся в ее ведении отелей, предоставив мне там кров на первую ночь.

Жестом, исполненным достоинства и развеявшим мои последние сомнения относительно семейства Малук, указывала мне Саида на достопримечательности, которые проплывали за тонированными автомобильными стеклами. Краешек Тунисского озера, несколько метров авеню Хабиба Бургибы, супермаркет *Magasin Général*, какие-то диковинные двери. Я с интересом крутил головой. Так, будто вижу все это впервые. Малуку необязательно знать, что около года назад я уже провел несколько дней в Тунисе по приглашению Монсефа Дагфуса, его конкурента.

Машина остановилась на одной из улочек близ *Place de la Victoire* перед выбеленным известью четырехэтажным зданием с синими оконными ставнями, со множеством стройных колонн и узорной кладкой в мавританском стиле. Дверца автомобиля открылась, и Саида объявила: *L'Hôtel d'Elisha*. Ах, Элисса, известная также под римским именем Дидона, основательница и правительница Карфагена...

– Ах, Дидона... – Прейзинг с видом знатока сложил губы трубочкой и вновь замедлил шаг. – Из всех богов, из всех богоподобных, – затянул он, – Дидона для меня всегда была милейшей, а то и самой близкой. Дидона, ради блага отечества, хотя ты со мной согласишься, что Карфагену как империи более подходит определение «родина», а не «отечество», – тут Прейзинг обернулся ко мне, – ради блага отечества настойчиво призывавшая принять смерть добровольно или же заплатить жизнью за неповиновение. А когда пришел ее черед, когда брак с царем Ярбом – и деспотом, и малодушным, отпрыском нимфы ливийской, уроженки страны гарамантов, и Юпитера-бога – мог бы предотвратить штурм Карфагена, царица недолго медлила, она велела сложить и разжечь погребальный костер, как это запечатлено на одной из душераздирающих иллюстраций в *Vergilius Vaticanus*, в Ватиканском Вергилии, и на полыхающем костре вонзила меч себе в грудь. Из этого, – продолжал Прейзинг, растопыренной ладонью мягко подталкивая меня в спину, как будто это я встал посреди дорожки, – следуют кое-какие выводы и для деловой жизни. Если руководитель обращается с призывом, то в первую очередь сам обязан ему следовать. Если расходы на копирование слишком велики и приходится призывать к бережливому использованию копировальной техники, то и самому надо копировать меньше, а уж коль не получится, так не копировать вовсе.

Итак, он насвистывал первые такты посвященной Дидоне оперы Перселла, когда администратор Саида Малук вела его в *L'Hôtel d'Elisha*, упорно называемый им отелем «Дидона» – *L'Hôtel Dido*, – ведь именно под таким именем любезная царица известна была своему народу. Все мавританское осталось за пределами этого космополитического бутик-отеля, запечатленного в разных глянцевого журналах под рубрикой «Заповедные уголки». В интерьере довлели рустованный цемент, шероховатые стены и полы сизого оттенка попеременно с темным дощатым настилом, на котором размещались, предлагая присесть, какие-то интересные предметы мебели. Украшением стен служили немногочисленные изображения Дидоны из разных эпох.

Дань местным традициям – или тому, что во всем мире любитель прятаться в заповедных уголках принимает за таковые, – здесь отдавали лишь краткие иронические цитаты. Феска, служившая абажуром на ночном столике, два-три узорных изразца, будто случайно брошенные и застывшие в цементном полу, тут кисточка, там чуточку резьбы по дереву. А в качестве лейтмотива – воловьей шкуры, их Прейзинг приметил с особой радостью посвященного.

– Воловьей шкуры! – Он и теперь не мог сдержать восторга. – Воловьей шкура, Дидона, шкура! Дидона и воловьей шкура?

Я только пожимал плечами. А Прейзинг вошел в раж:

– Изопериметрическая проблема, она же «задача Дидоны»!

Один знакомый время от времени дарил ему книжки про математические чудеса и загадки: «Последняя теорема Ферма», «Гипотеза Гольдбаха», «Задача коммивояжера». Прейзинг читал эти книжки (ему вообще нравилось читать, хотя и не нравилось стоять в книжном магазине перед забитыми стеллажами и перед выбором), и как уж тут не сразить кого-нибудь вроде меня удивительной историей из мира чисел.

На деле же трудно ввергнуть в изумление такого, как я. Ему давно пора это понять. Изумление есть попытка преодолеть сопротивление мира, но у такого, как я, слишком уж мала для этого площадь воздействия, что в равной степени относится и к самому Прейзингу. Он не упустил возможности мимоходом сбавить мне историю про Дидону и воловьей шкуру.

– Дидона и ее спутники, – наставительно начал он, – опасаясь гнева Пигмалиона, покинули Тир и прибыли на Кипр, где похитили пятьдесят девушек, а согласно некоторым источникам и все восемьдесят, и в конце концов высадились на североафриканском побережье. Дидона выпрашивала у местных жителей клочок земли для себя и для спутников – такой, какой охватит одна лишь шкура вола. Желанию прекрасной беглянки пошли навстречу. Дидона же разрезала воловьей шкуру на узкие ремешки и выложила их полукругом, отхватив значительную часть берега.

Богатая изобретательность прекрасной героини мифа – я полагаю, Прейзинг предпочитал мифологических женщин реальным – заставила его прибавить шагу, так что и наша прогулка, и его история продвинулись вперед.

– Я пропускаю, – вновь заговорил Прейзинг, – ужин в доме Малука, все лакомства, всю элегантность и экзотику. Жена его – *très charmante*² и удивительно современна. Не дом – дворец, очень традиционный, но повсюду телевизоры. Мило, очень мило. И все же – деловой ужин. Хотя о делах мы почти не заговаривали. Пропускаю, к сути это несколько не имеет отношения. Как и поход на базар следующим утром, предпринятый мною в сопровождении

² Очаровательная (франц.).

Саиды. Захватывающе, грандиозно. Ароматы. Но это другая история. Кстати, и краски – грандиозно.

Так вот, около полудня я отбыл из столицы на внедорожнике. Один из подчиненных Слима Малука находился за рулем, Саида разместилась подле меня на заднем сиденье, ее ассистент уселся рядом с водителем. Скоро миновали мы пригороды Туниса, и в поездке я наслаждался пейзажем – чем далее, тем более суровым. Мы держали путь к оазису Чуб, где Саида управляла еще одним эксклюзивным отелем во владениях отца. С ассистентом она обсуждала критическое состояние британской финансовой системы. В последние дни фунт резко упал. Велика опасность, что в дальнейшем принимать гостей из Англии не придется. Положение, и в самом деле тревожное, в те дни представлялось уж и вовсе непонятным. Чуть ли не ежедневно поступали известия о новых скандалах. Бесчисленные операции английских банков между собой, а также и с другими институтами, едва державшимися на грани падения, становились все менее и менее прозрачны. Саида и ее помощник – оба они рассуждали весьма компетентно и, похоже, знали в деле толк – опасались худшего. Что до меня, то несколькими днями ранее я твердо постановил не придавать значения происходящему. Однажды взяв за правило исключать из числа своих забот те непрозрачные дела, что и в целом едва ли доступны пониманию и находятся вне пределов моего собственного разума, я не сожалею об этом и поныне.

Сам по себе ландшафт пустыни мне как-то особенно мил. Простор и даль, прямая как стрела дорога, и мы мчимся по этой дороге вперед. Только остались позади холмистые предместья и показались вдалеке величественные пески, как и для меня самого остались позади и городской шум, и льстивые речи Слима Малука, и вечная забота на лице Продановича.

Как вдруг – мертвые верблюды. Внезапно мне пришлось оторваться от вдумчивого созерцания проплывающих мимо дюн. Картина, открывшаяся взгляду всего-то метрах в тридцати перед нами, на мгновение лишила всех нас дара речи, а водитель резко нажал на педаль тормоза, чтобы остановить машину. Серебряный монстр – туристический автобус с боковыми зеркалами наподобие слоновьих ушей, которые почему-то торчат по обе стороны дороги, – стоял как вкопанный на темной ленте асфальта, отражая солнце пустыни. Десяток, а то и полтора десятка верблюдов вповалку валялись на земле вокруг вставшего автобуса – и поодиночке, и грудой костлявых тел и обвисших горбов. Вывернутые, обессиленные верблюжьи шеи выглядели поистине безобразно. Одного верблюда буквально намотало на двойную переднюю ось автобуса. Неестественно вытянутая шея вяло повисла на разогретой резине громадного колеса, язык вывалился из открытой пасти с обнаженными желтыми зубами, нога застряла между колесом и кузовом, указывая прямо в небо мозолистой ступней, согнутой под острым углом. Туловище, стиснутое двумя колесами, не выдержало давления, и внутренности изверглись на дорогу.

Вокруг бездыханных животных собралась небольшая толпа. Мало сказать, что в воздухе висело напряжение. Двое-трое солдат в камуфляжной форме и зеленых беретах пытались успокоить пятерых или шестерых разъяренных бедуинов, но и у тех имелось оружие. Сзади, за солдатами, стоял в голубой рубашке с коротким рукавом, обливаясь потом, шофер автобуса с зияющей раной на лбу и в ответ последними словами ругал погонщиков. За зеркальными окнами автобуса смутно виднелись лица многочисленных туристов: одни глядели на эту сцену, побледнев и разинув рты, другие прилипли к окнам, стараясь загрузить на карты памяти как можно больше подробностей злосчастного происшествия, чтобы вернуться домой с иллюстрациями к своему рассказу.

Тем временем мы, прогуливаясь, дошли до желтой стены и свернули влево, на широкую дорожку, которая следовала изгибам нашей ограды. Здесь Прейзинг несколько оживился. Он взмахивал руками и пританцовывал на ходу, прытко исполняя шажок за шажком.

– Саида дважды крепко выругалась, – продолжал он рассказ, – такого я никак не ожидал. Раз по-английски, другой раз по-французски, однако в буквальном переводе оба выражения содержали сходный смысл. Да, и она вышла из машины. Мы с ассистентом последовали за ней.

Прейзинг и его спутники встали у открытых дверей автомобиля. Сразу же ударила в голову палящая жара. Над горячим асфальтом, над убитыми верблюдами воздух трепетал, как будто в нем проявилась присущая звуковым волнам вязкость. Мерцающая визуализация возбужденных голосов, предсмертного верблюжьего стога. Наказав Прейзингу не отходить от машины, Саида плечо к плечу с ассистентом решительно направилась к месту сумбурного происшествия. И тут грохот одиночного выстрела перекрыл шумную разногласицу. Увидев, как ассистент рывком повалил Саиду наземь, Прейзинг и сам проворно, как мог, запрыгнул на прохладную кожу заднего сиденья и захлопнул за собой дверь. Слышались приглушенные возмущенные возгласы из автобуса, громкие выкрики солдат. Затихли только стоны издохшего верблюда. Все ружья обратились в сторону того, кто за спинами других всадил пулю между вытаращенными верблюжьими глазами, выстрелом из карабина прекратив страдания животного.

Поспешно поднявшись на ноги и отряхнув элегантный брючный костюм от пыли, Саида включилась в дискуссию. Прейзинг, оставшись в машине, следил за развитием событий с безопасного расстояния. Саида быстро взяла дело в свои руки. Прейзинг констатировал, что и в пустыне, точно как на улицах столицы, она умела выказать и прирожденное достоинство, и благоприобретенную властность.

– Шум, гам и суета, да еще и не без агрессии, – с очевидным неодобрением продолжал повествование Прейзинг. – И конца не предвиделось, как не чувствовалось и малейшей попытки прийти к соглашению. Что ж, спор в этой части света обладает иной значимостью. Диспут разворачивается по совершенно иным правилам. Только не пытайся вмешаться! Безнадежно, уверяю тебя, ты непременно выскажешься невпопад. Есть в этом нечто, осмелюсь сказать, соревновательное. Дебаты ради дебатов. И не пробуй предложить им: послушайте, не горячитесь, решим дело миром! Они ведь только и хотят разгорячиться, распасться.

Обеспокоенно взглянув на меня, он продолжил:

– Лично я лишь впадаю в уныние от этих жарких споров. Ни к чему они не приводят. Вот я и попросил водителя передать мне номер *Financial Times*, который лежал на приборной панели.

Газета освещала одну лишь тему, то есть неожиданную новую вспышку финансового кризиса (разумеется, в свете более чем затруднительного положения Англии), каковой разразился по причине краха Королевского банка Шотландии, где правительство с самого начала банковского кризиса удерживало более восьмидесяти процентов доли, и каковой в течение суток привел к внутреннему – ах, да что я говорю! – к международному хаосу, поскольку вследствие данного кризиса резко пошатнулась *Lloyds Banking Group*, а в этой банковской группе правительству принадлежат более семидесяти процентов акций, к тому же названные институты были – очевидно, без веденья правительства – повязаны между собой общими вложениями в нежизнеспособные ипотечные кредиты Бангалора и Малайи, так что аналитики ведущих газет сообща выразили уверенность в том, что английское правительство никак не в состоянии обеспечить страхование вкладов своих граждан. Логическим следствием данного анализа явился беспрецедентный штурм всех до единого банковских отделений в Соединенном Королевстве. Газета, которую я держал в руках, поместила фотоиллюстрацию, запечатлевшую один из филиалов банка в Ильфракомбе – городке, памятном мне по тем каникулам в далекой юности, когда я объехал на велосипеде графство Девон,

исключительной своей безмятежностью, – так вот, в сравнении с иллюстрацией та сцена с мертвыми верблюдами и вздорщиками, что я наблюдал за широким лобовым стеклом внедорожника, представлялась идеалом мира и гармонии. Человек превращается в зверя, когда дело доходит до его сбережений.

А там стрелок давал прочувствованное показательное выступление. Пав ничком на замолкшее – ибо наконец испутившее дух – животное, он издал вопль не менее громкий и душераздирающий, чем сам верблюд. Ладонью он разгладил верблюжьи веки с женственными ресницами, закрыл широко расставленные и уже окончательно потухшие глаза. С достоинством он поднялся, шагнул к следующему труп, повергся ниц, испустил жалобный вопль, а вслед за тем прикрыл верблюду глаза. Этот ритуал он повторил с каждым животным, до самого последнего, и не пожалел на это времени. У Прейзинга перехватило дыхание, его объяла глубокая печаль.

Покуда Прейзинг читал газету, водитель присоединился к остальным, оставив его в одиночестве.

– Обстоятельство, в ту минуту для меня весьма благоприятное, – пояснил Прейзинг, – ибо смятение, подобное тому, что овладело мною, заставляет стыдиться посторонних.

Водитель Саиды вместе с шофером автобуса обошел жестяного слона кругом, с видом профессионала осмотрел помятую решетку радиатора, вяло попытался передвинуть ближе к месту повисший бампер, а вдвоем они даже попробовали высвободить окоченевшую, торчащую прямо в небо верблюжью ногу. Обменявшись затем несколькими словами с Саидой, водитель вернулся к машине. Тяжело дыша, он занял свое место за рулем.

– Мне вовсе не свойственно, – говорил Прейзинг, – вмешиваться в чужие дела, однако горе и боль погонщика верблюдов тронули меня настолько, что я оказался не в состоянии соблюдать подобающую дистанцию и хладнокровие перед лицом этих смутных, мне все еще непонятных и совершенно чуждых событий, потому я и попросил водителя, кстати превосходно владевшего французским, разъяснить мне происходящее на дороге. Тот сообщил, что вся эта история до крайности неприятна, хотя погонщик сам виноват в своем несчастье, не зря же строжайше запрещается перегонять верблюдов по шоссе, а шофер автобуса, минув вон ту вершину, увидел караван слишком поздно. Саида разгневана до предела. С одной стороны, автобус принадлежит Ибрагиму Малуку, кузену Слима Малука, а хозяин верблюдов вряд ли имеет страховку, с другой стороны, пассажиры автобуса – это гости из отеля месье Малука, и теперь они опоздают на авиарейсы домой, что впоследствии омрачит для них пережитую радость от пребывания в оазисе Чуб. Однако еще хуже то, что другие гости в оазисе сейчас понапрасну ждут оплаченной ими прогулки по пустыне, ибо караван как раз и находился на пути к отелю, а теперь нет никакой ясности в вопросе о том, кто в ближайшие дни возьмет на себя катание туристов на верблюдах.

Оба они глядели на дорогу, где верблюдов уже начали оттаскивать за ноги с проезжей части, а их владелец, усевшись в самой пыли и раскачиваясь всем телом, закутанным в белую ткань, безучастно наблюдал за происходящим.

Le pauvre, il est ruiné. Complètement³. Никогда ему не встать на ноги – таково было мнение водителя. Разом потерять всех верблюдов. Все средства к существованию. Источник дохода всего семейства. Complètement ruiné.

Прейзинг поинтересовался, какова же стоимость одного верблюда.

– Одиннадцать или, может, двенадцать сотен франков. Умножить на тринадцать.

³ Бедняга, он разорен. Полностью (франц.).

Прейзинг произвел подсчет. Четырнадцать-пятнадцать тысяч. Получается, от этой суммы зависит жизнь погонщика, существование всей его семьи. Прейзинг полностью утратил самообладание.

– И вот в пыли передо мной сидит этот человек и оплакивает своих верблюдов, всю свою жизнь и пятнадцать тысяч франков. Пятнадцать тысяч – та самая сумма, которую Проданович однажды с гордостью назвал мне в связи с отчетной пресс-конференцией. Мой доход в компании. Пятнадцать тысяч франков ежедневно. Только за счет собственной доли. Не учитывая жалованья генерального директора, не учитывая других видов долевого участия, а также принадлежащей мне недвижимости и всего того прочего, что приносит прибыль. Пятнадцать тысяч франков в день, а этот человек из-за них разорен. Что же остановило меня, отчего я не открыл дверь машины, не подошел к нему и не дал ему денег на покупку новых верблюдов? Что же остановило меня?

Понятия не имея, что же его остановило, отчего он не вышел из машины и не дал тому человеку денег, в одном я не сомневался: причины он назовет мне тотчас. Прейзинг всегда находил обоснование для бездействия.

– Два обстоятельства, – заявил Прейзинг. – Проданович и Саида. Разве не сочла бы Саида подобный жест со стороны гостя личной обидой? Неподобающим вмешательством? Не тот ли человек, по отношению к которому я решил было проявить великодушие, своим безрассудством доставил ей столь многие неприятности? Что за впечатление сложится, если именно за это он будет мною вознагражден? Деликатная ситуация требовала более глубокого осмысления. И тут я вспомнил ежегодные заседания нашего благотворительного комитета под председательством Продановича: один процент прибыли мы жертвуем на проекты помощи нуждающимся и поддержку культуры. Но Проданович из года в год отказывается перевести в Африку хотя бы один-единственный франк. Этот континент, дескать, утопает в нашем попечительстве. Африка из-за наших субсидий лишилась дееспособности. Пусть африканский континент сам вытащит себя из болота за ушко сапога! Впрочем, как мне помнилось, Проданович имел в виду Африку к югу от Сахары. Но разве это не относится и к Тунису? Разве своими деньгами я не лишил бы дееспособности того человека? Не отнял бы у него возможность самостоятельно выбраться из нужды и, расправив грудь, собственными силами строить будущее? Правда, одного вида его трясущихся плеч мне хватило, чтобы понять: в этом случае помощь поистине необходима. И что там Проданович. И что уж за опасность подвести Саиду. Ничего мне это не стоит, я в состоянии почувствовать разницу. Итак, я принимаю решение. Разумеется, в кошельке у меня нет пятнадцати тысяч франков, а уж тем более – двадцати шести тысяч тунисских динаров. Пусть он просто запишет мне на листке номер счета для перевода этой суммы, не так ли? Но есть ли у этого человека банковский счет? Может, мне отправиться вместе с ним на ближайший верблюжий рынок и попросту купить ему тринадцать верблюдов? Вот только принимают ли к оплате на тунисском верблюжьем рынке кредитные карточки?

Внутреннюю борьбу прервала Саида, которая села в машину рядом с Прейзингом, кратко принесла извинения за задержку и отдала приказ двигаться дальше. В сумрачном настроении увозили Прейзинга прочь от потерпевшего крушение автобуса, от убитых верблюдов и от их несчастного владельца, чья судьба все еще очень его беспокоила. Вскоре, однако, показались вдали пространные финиковые плантации в оазисе Чуб. На ветру пустыни трепетали темно-зеленые кроны, а издалека казалось, будто волны кудрявятся на поверхности прохладного озера.

II

Отель *Thousand and One Night*⁴ был устроен наподобие временного берберского поселения или, скорее, типичного берберского поселения, каким его представляет себе вычисленный маркетологами типичный тунисский турист премиум-класса, если тот вообще имеет какие-то представления, а не просто готов – с непредвзятостью чистого листа бумаги и с благодарностью пустого сосуда – довериться знаменитой на весь мир дизайнерше резорт-отелей из Магдебурга. Среди пальм в залитой светом роще установлены, друг от друга поодаль, белые шатровые палатки. Несколько каменных зданий, где находятся рестораны и бары, сгруппировались вокруг большого бассейна из натурального камня, образуя живописный ансамбль. Беленая стена с гребнем, оснащенным осколками зеленого бутылочного стекла, окружает территорию с трех сторон.

Но коронное блюдо, конечно, это спа-комплекс, устроенный на северном краю оазиса, где ввысь уходит песчаниковый склон, в пещерах, прежде служивших для охлаждения верблюжьего молока и прочего подобного, вырытых голыми руками в те времена, когда люди здесь жили, а не отдыхали и не зарабатывали деньги на тех, кто здесь отдыхает. Но однажды пришел день, когда их поставили перед выбором: либо распроститься с земледельческо-скотоводческим образом жизни ради трудоустройства в люкс-отеле Слима Малука, либо куда-то перебраться, что означало, как правило, ютиться всей семьей в квартирке на разбухающей окраине Туниса, Сфакса или Габеса и надеяться, что хоть кто-нибудь из семьи найдет работу, например, на европейской фирме с таким динамичным и таким экзотическим названием, как *Prixxing*, и займется спайкой электронных деталек. Или еще можно наскрести денег и все поставить на одну лошадку, хотя оседлает ее лишь самый отчаянный и более всех отчаявшийся молодой мужчина в семье. Лошадка – это лодка, не обладающая запасом плавучести и всегда переполненная. Но кому удастся пережить переправу, тот, может, и найдет заработок в Европе, а к концу месяца у него хоть чуточку, да останется для отправки домой. А если уж он останется сам, да найдет такую жену, какие бывают только у него на родине, да нарожает детей, то – почему бы и нет? – в школу к этим детям вдруг и заявится такой вот Проданович с коротким докладом. Ассимиляция и успех, смелый побеждает, ты – можешь! Да, и ты – тоже!

Короче говоря, Прейзинг нашел спа-комплекс весьма впечатляющим.

– Сколь ни противно мне потеть нагишом в одном помещении с чужими людьми, я все же рассматривал возможность пройти все процедуры и как-нибудь прохладной ночью навестить парную пещеру посреди пустыни, тем более что выглядела она весьма благопристойно: большинство гостей, виденных мною во время краткого визита, тактично прикрывались большими белыми полотенцами из египетского хлопка.

Остальные гости были преимущественно англичане. Вскоре Прейзинг узнал, что почти все они прибыли группой. Человек шестьдесят – семьдесят, они вместе занимают большинство роскошных шатров. Вряд ли Прейзинг сумел бы распознать их принадлежность к одной компании, столь неоднороден был ее состав, но уже спустя несколько часов по прибытии он завел первое знакомство, благодаря которому и оказался посвящен в тонкости социальной структуры отеля-оазиса.

– Только я устроился с книгой на «террасе бея» – так мы с Пиппой, моей знакомой, о которой я как раз и намереваюсь тебе рассказать, окрестили это местечко, то есть малень-

⁴ «Тысяча и одна ночь» (англ.).

кую террасу на склоне повыше спа, где в камне вырублены были несколько ступеней и где размещалось нечто вроде восточной кровати с балдахином – сооружение из резных колонок, прикрытое белым пологом, с исключительно удобным матрасом и множеством подушек любых размеров и форм, но попросту белых, – то есть такое местечко, где чуть выше пальмовых верхушек открываются дальние виды пустыни и где порой тебя овеивает прохладный ветерок, – как вдруг послышалось шлепанье босых ног по каменным ступеням. Я тотчас выпрямился, хотя поначалу, чувствуя себя как дома, устроился на гостеприимных подушках до неприличия удобно. Над краем моей книжки я разглядел сперва лишь аккуратную короткую стрижку и легкую проседь. Затем появилась дама моего возраста, которая явно с трудом взбиралась по крутым ступеням, поскольку в одной руке несла на весу тяжелый кувшин для воды да еще стакан, а в другой – сандалии на кожаных ремешках, на вид новехонькие, и притом пыталась удержать зажатую под мышкой книгу. Несомненно по вине этих отягчающих обстоятельств она, на миг утратив контроль над чертами своего лица, позволила себе выразить явное разочарование при виде меня, ведь она, как и я сам, выбрала это местечко из-за его уединенности. Впрочем, она быстро овладела собой, любезно поздоровалась, разместила кувшин и стакан на крошечном приставном столике и со сдержанным «*may I?*», не дожидаясь ответа, присела на другой конец матраса. Ногу на ногу, книжку в руки – и она углубилась в чтение, не обращая на меня внимания. Оба мы изображали сосредоточенность, ведь оба мы, конечно, не из тех, кто привык делить матрас с незнакомым человеком.

Но стоило мне на минутку отложить книжку, чтобы протереть солнечные очки, как я поймал ее на попытке разглядеть название. «*We seem to have the same interests*»⁵, – произнесла она, подняв свою книгу обложкой вверх. И действительно, мы оба читали «Рождение забвения» Махмуда Мессади, она – в английском переводе, я – в немецком. Мне вручила этот томик продавщица в моем книжном, узнав про поездку в Тунис: это, дескать, важнейшее произведение современной тунисской, а то и всей современной арабской литературы.

Нет на свете лучшего повода, чтобы завязать разговор, нежели книга. Мы непринужденно обменялись мнениями об уже прочитанном, она выразила восторг, я пока удержался от окончательного суждения, к тому же в чтении она продвинулась далее моего. Тут она сняла темные очки, взглянув на меня глазами замечательной синевы. Уж позволю себе отметить, что во всем ее облике только глаза и были замечательны. Рост средний, фигура неприметная. Бедра утратили девичью стройность, плечи – упругость, зато прическа явно дорогая, какую носят образованные жительницы Северной Европы, когда считают, что длинные волосы им уже не по возрасту. Лицо почти без косметики, одежда свидетельствует о хорошем вкусе и об отсутствии всякого желания покрасоваться. Хлопок и лен, по всей видимости, экологически чистого производства. «Филиппа Грейлинг» – так она мне представилась, подала руку и попросила называть ее Пиппой.

Итак, стараниями англичанки Пиппы Грейлинг, учительницы, состоялось посвящение Прейзинга в состав гостей резорт-отеля. Церемония, которую он прокомментировал мне со ссылкой на «кристаллизацию общества на маленьких немецких водах, куда прибыли отдыхать Щербацкие».

Пиппу и Прейзинга объединяло то обстоятельство, что оба они выбрали *Thousand and One Night* не по собственной воле. Пиппа оказалась здесь оттого, что сын ее именно в роскошном тунисском отеле решил праздновать свадьбу и ради такого случая созвал сюда семь десятков друзей и родственников. «По мнению молодой пары из офисов Сити, – уверяла Пиппа, не скрывая раздражения, – только такой и может быть достойная свадьба».

⁵ У нас, кажется, общие интересы (англ.).

Значит, сын Марк и его свежее испеченная жена Келли составляли ядро той многочисленной компании, на которую Прейзинг обратил внимание еще у бассейна. Люди молодые, всем под тридцать или чуть-чуть за тридцать лет. Шумные и самоуверенные. Стройные и натренированные. Мужчины в песочных брюках, в рубашках-поло и мокасынах, женщины в топиках и узких шортиках, откуда торчат загорелые шелковистые ножки. И наманикюренные пальчики в легких шлепанцах. Если кто и решится зайти в воду, так только в таких плавках, какие всем знакомы по фотографиям юного Джона Ф. Кеннеди на пляжах Мар-тас-Винъярд, или в узеньких бикини, которые выставят в выгодном свете плоский животик и оправдают бритые интимные зоны. Даже обнажившись почти догола, они как будто выступали в форменной одежде. На всей территории отеля Прейзингу попадались их небольшие стайки. Отпускали остроты, облокотившись о барную стойку. Неистово целовались и совали друг другу ладошки под узенькие шортики, уединяясь в шатрах с климат-контролем. Отдавали персоналу самоуверенные распоряжения. Блуждали, чертыхаясь, среди пальмовых рощ в поисках лучшего приема для своих смартфонов, ведь размер жалования предполагал их доступность везде и всегда. Прейзинг, правду сказать, недоумевал, как это Лондонский финансовый центр в такие дни мог лишиться пятидесяти юных талантов. Не исключается, однако, – так он решил, – что спасти уже нечего, вот они и спасают здесь самое себя. Данное рассуждение показалось Прейзингу поистине забавным и, кажется, развеселило Пиппу, однако вызвало у нее и презрительное фырканье, каковое Прейзинг на миг испуганно отнес к себе, но потом с облегчением понял, что оно адресовано компании на южном конце бассейна.

На северном же конце начинался перепад социального уровня, как выразилась Пиппа. Там обосновались родственники Келли, также званные на свадьбу, со всеми своими детишками, которые в купальниках кричащих расцветок без устали прыгали в бассейн и снова выбирались на сушу и тут же опять прыгали в воду, визжа и горлая из всей мочи, всячески досажая своим мамочкам у воды, ведь из-за брызг женские журналы у тех в руках уж совсем покособились и потеряли вид. Вилли, брат Келли, с обгоревшей на тунисском солнце грудью, совершив раз-другой безуспешную попытку побрататься с мальчиками из Сити, отступил и нашел себе место в большом желтом плавательном круге, где прибегнул к помощи нескольких бутылок пива «Хейнекен» ради прояснения вопроса о том, как ему относиться к окружающей роскоши, которой он полностью обязан сестре и новому зятю, но которой он сам никогда не обеспечит свою семью. Первый день он пережил, испытывая сильнейшее чувство презрения. Далее он приказал себе сохранять хладнокровие. «Different world. Even a different planet⁶, – думал Вилли. – Планета обезьян». Молодые люди на другом конце бассейна, казалось ему, все манерничают, все обезьянничают. «The young ones»⁷, – называл он их про себя. Да, его ровесники. Да, но что они знают о настоящей жизни? Он вот троих детей растит. И уж как ему по вкусу собственные плавки с татуировочным узором.

«Мой муж, – сказала Пиппа, – всего раз вышел к бассейну. И провел у бассейна ровно столько времени, сколько ему понадобилось для выдвижения тезиса о том, что в этом поколении благосостояние определяется цветовой гаммой купальных костюмов. Неброские цвета – солидные счета. Так он сказал. Санфорд – социолог», – пояснила она в извинение. Вообще-то Пиппа рассчитывала хоть немного подружиться здесь с родителями Келли, они ведь почти незнакомы. Но Мери и Кеннет Ибботсон с трудом перенесли климатический перепад между Ливерпулем и Чубом, а также смену обязанностей члена заводского производственного совета и домохозяйки на роль родителей невесты, чья свадьба стоит около четверти

⁶ Другой мир. Даже другая планета (англ.).

⁷ Молодняк; здесь также: звереныши (англ.).

миллиона фунтов, а потому обретались преимущественно в своем шатре с климат-контролем.

– Пиппа откровенно выражала свое недовольство, – пояснил мне Прейзинг. – Недовольство профессией, избранной сыном, его окружением и тем обстоятельством, что свадьбу играют в тунисском отеле-люкс. Впрочем, она сносила все это с безмятежным спокойствием, столь свойственным ее приветливому характеру и тонкому уму. Я, однако, не преминул, следуя правилам вежливости, принести свои поздравления по случаю женитьбы ее сына. Она поблагодарила коротким ироническим смешком.

– Но после я сам, – продолжал Прейзинг, – нарушил радостное настроение вопросом о том, один ли у нее ребенок и не приходилось ли ей прежде присутствовать на подобных свадебных торжествах.

Она ответила, мол, нет – Марк ее единственный ребенок, по крайней мере – единственный уцелевший. Лора, старшая дочь, погибла три года назад. Неподалеку от мыса Нордкап на морском маршруте Хуртигрутен, во чреве круизного судна, где она служила библиотечаршей. «Сгорела, – сказала Пиппа, – вместе с сотней-другой скандинавских детективов и полным собранием сочинений Стендаля, которое занялось огнем из-за сломанного обогревателя».

Интонация, с какой она говорила о смерти дочери, поразила меня. Как будто она, рисуя где-нибудь у стойки бара, рассказывает предысторию своего приметного шрама или удаленной фаланги пальца. Может, так оно и бывает? Сравнимо с потерей части тела, ампутацией вследствие несчастного случая? Поскольку детей я никогда не имел, мне трудно вообразить, что означает подобная утрата, – заключил Прейзинг.

И он встал возле скамеечки у желтой стены.

– Тебе же, напротив, – проговорил он, не глядя в мою сторону, – значение ее понятно.

Нет, не понятно. Прейзинг заблуждается. Что бы тебе ни довелось пережить, это далеко еще не означает понимания пережитого. Да я и не хотел дознаваться. Есть вещи столь бессмысленные, что вовсе и не стоит придавать им значения. Прейзинг уселся на скамеечку, ноги поставил на гравий ровнехонько, руки сложил на коленях. Дает мне время выговориться. Долго же ему придется ждать. Нет у меня в том ни малейшей потребности.

– Прошу тебя, – ответил я, придвигая к скамейке кованый садовый стул, – рассказывай дальше.

Бросив на меня исполненный заботы взгляд, он вновь заговорил:

– Пиппа не без труда пыталась вообразить, к какой группе примкнула бы ее дочь. «Наверное, Лора сидела бы целыми днями тут, наверху, – предположила она. – Да вряд ли они вообще уговорили бы ее приехать». Лора не любила жаркие страны, не любила большие компании, впрочем, как и маленькие. Общение она ни во что не ставила. Тем более удивились родители, когда она объявила, что нанялась библиотечаршей на корабль и целый год собирается курсировать туда-сюда по маршруту Хуртигрутен. Еще Лора, по рассказам Пиппы, ни в грош не ставила профессию, избранную ее братом. Не любила она людей, которые якшаются с деньгами.

В целом меня заинтересовало описание той молодой женщины, мне легко удалось представить себе Лору – ее дочь. По моему ощущению, – продолжал Прейзинг, – о дочери Пиппа рассказывала охотно, и данное обстоятельство побудило меня продолжить расспросы. «Обыкновенно молодые люди хорошо знают, чего они не любят, – так, помню, в молодости было и со мною, – сказал я, – но нисколько не знают, что они любят. А Лора?

Знала ли она, что любит?» – «О да, разумеется, – отвечала Пиппа. – Холодные страны, плохую погоду, книги Зебальда, мужчин с тяжелым характером». И рассмеялась.

После того, если верить Прейзингу, они долго молчали. Беседу возобновила Пиппа, высказав остроумное соображение – Прейзинг хотя и не смог вспомнить частности, но в остроумии не сомневался – по поводу сложности празднования свадьбы как таковой. Свадьба – очень непростой праздник, тем более что для людей нерелигиозных исключается возможность заключить союз перед Богом по всему полагающемуся обряду – так развивала Пиппа свою мысль. Прейзинг выразил согласие. Самому ему, увы, не представилась возможность вступить в брак. По крайней мере, на этот шаг он так и не смог решиться; последнее замечание, несомненно, много ближе к существу дела.

Прейзинг поразвлек Пиппу историями про разные свадьбы в кругу своих знакомых, а она, не желая отставать, в красках описала ему собственную свадьбу. Как они тогда с Санфордом, с самого начала категорически не допуская даже намека на буржуазность в намеченном мероприятии, решили гулять свадьбу в культурном центре Лафборо-Эстейт, в социальном жилом квартале Брикстона. В бетонном бараке, выстроенном под сенью гигантских многоквартирных домов всего лет за десять до того, но уже обшарпанном, провонявшем мочой и заношенным тряпьем. В зале с ярко выкрашенными стенами, которому назначалось, по замыслу градостроителей, в перспективе стать центром оживленного мультикультурного района, где летом жители многоэтажек устраивают праздничные вечера и потчуют друг друга пакистанскими, карибскими, ганскими, ирландскими яствами, но который иногда использовали только банды местной молодежи как подходящее помещение для группового изнасилования, а каждый первый вторник месяца – Армия спасения для раздачи одежды. Жители высоток, дивясь, что в эдаком интерьере празднуют свадьбу, покачивали головой и шли мимо. Мальчишки, темнокожая мелюзга на велосипедах, прижимались носом к стеклу и пялились на необузданные пляски. Специально нанятый тибетский повар пытался предложить гостям цампу и часуйму, но те, отдавая предпочтение обильным запасам пива, всем скопом очень скоро напились, потому что, кроме цампы, никакой еды не было, а солидарность с тибетским народом так далеко все же не простиралась. «Преимущество, – пояснила Пиппа, – состояло в том, что мы вскоре остались в компании с друзьями, так как вся родня – родители, бабушки-дедушки, тети и дяди – покинула праздник до наступления темноты, небезосновательно опасаясь, что их зарежут и ограбят по пути к машинам».

Прейзинг устроился на скамейке поудобнее. Я бы с удовольствием продолжил прогулку, но ведь он прав. Куда нам тут идти? Разве только вдоль желтой стены до того конца, где сторож подозрительно пялит на нас глаза из своей стеклянной будки. А потом назад, к другому концу, или по дорожке, по разровненному гравию, мимо кустов шиповника с глянцевыми ягодами, мимо фонтана, чтобы опять упереться в желтую ограду. К тому же он, сидя на скамейке, куда быстрее поспевал со своей историей, ведь ему не приходилось делать многозначительные остановки и устремлять меланхоличный взор в непостижимую даль, скрытую от нас высокой стеной. Так что я не стал его трогать, а сам елозил ножками стула по гравию до тех пор, пока стул не перестал качаться. Прейзинг, скинув тапку, положил на колено ногу в лимонно-желтом носке и старательно растирал ступню, причем обнажилась – вообще-то, по его понятиям, обнажилась почти до неприличия – бледная икра, от которой мне с трудом удалось отвести взгляд.

Он продолжал рассказ, массируя пятку:

– Вот уж мы с Пиппой посмеялись вдоволь, я как почувствовал, что надо бы отблагодарить ее за искреннее, полное самоиронии описание собственной свадьбы, и рассказал ей

историю с моей юртой в Биаррице. Ты ведь знаешь эту историю? – И вопросительно взглянул на меня.

– Да, знаю, – подтвердил я, – юрта в Биаррице и камерный оркестр. Никогда в жизни не забуду.

– Во всяком случае, Пиппа очень веселилась, а я позволил себе отметить, сколь приятно бывает с высоты нашего возраста благодушно взирать на прегрешения собственной юности. «Нашего возраста!» – воскликнула она в порыве кокетства. Уж ко мне, якобы сохранившему молодость, это никак не относится. Я с благодарностью принял комплимент и легким движением его вернул. Кажется, она тоже обрадовалась.

И вернулась к литературным темам, она обладала восхитительно глубокими познаниями в арабской литературе. Как замороженный внимал я ее рассказу об устных традициях, о Мохаммеде Чукри и как их там еще звали, о Поле Боулзе, который в Танжере записывал сюжеты этих авторов на пленку, а потом переписывал на бумагу, закусывая гашиш-мармеладом из горшочка. Вскоре мы уже попивали воду из одного стакана, как старые знакомые, ведь я не догадался прихватить собственный стакан.

Тет-а-тет с интересной англичанкой резко прервался: пружинящим шагом вверх по ступеням на террасу поднялся Санфорд, муж Пиппы. Неожиданное появление сухопарого мужчины в белой рубашке и шортах цвета хаки заставило Прейзинга вскочить с ложа, и он тотчас понял, что выглядело это так, будто поза его компрометировала, на деле же просто сработал рефлекс, обусловленный тем обстоятельством, что Прейзинг знал когда-то одного не то социолога, не то этнолога – точно не вспомнить, – чьего острого языка боялся больше, чем молодых людей в синтетических тренировочных костюмах, которые в подвальном помещении напротив головного офиса *Prixxing* занимались спортом, именуемым *Ultimate Street Fight*⁸.

Тревога оказалась напрасной. Санфорд обрадовался, что жена нашла собеседника. Тем самым успокоив свою совесть, хотя оставил ее одну на целый день ради осмотра руин древней крепости в пустыне. Обменялись несколькими вежливыми фразами, англичанин с восторгом рассказал про свою экскурсию и немедленно пригласил Прейзинга наутро отправиться с ним в следующую поездку. «And of course, I still hope, you will join us, my dear»⁹, – добавил он, обращаясь к жене. Но пора уже было переодеваться к ужину. Не хотел бы Прейзинг составить им компанию? За длинным столом, конечно, найдется свободное местечко, они же оба, сказал он, искоса взглянув на жену, будут счастливы обрести сотрапезника, им не совсем чужого.

Вчера же, по словам Санфорда, он за столом с изумлением внимал долгому рассказу: соседка – ей годам к тридцати, брокер – с эпической широтой живописала ему счастливейший день своей жизни. Суть состояла в том, что ей удалось в Цуффенхаузене (насколько ему известно, это на юге Германии) забрать прямо с завода спортивный автомобиль, который она смогла себе позволить благодаря, по ее выражению, *annual performance*¹⁰ выше среднего с соответствующим бонусом, и двинуться по немецкому автобану без ограничения скорости в сторону Англии, а это, как она считала важным подчеркнуть, стало настоящим приключением. С ума сойдешь: гнать на огромной скорости машину с правым рулем по дороге с непривычным правосторонним движением; не раз лишь благодаря ее исключительно здоровым, отточенным многими напряженными часами в трейдинг-рум реакциям ей удавалось удержаться на волоске от смерти. К счастью для Санфорда, он способен выслушивать такие

⁸ Экстремальные уличные бои (англ.).

⁹ И конечно, я надеюсь, ты присоединишься к нам, дорогая (англ.).

¹⁰ Годовому результату (англ.).

истории с профессиональным интересом, относя их к разряду изучения социальных групп. В научном смысле всякая форма предубеждения сомнительна, но тут его абсолютно потрясло, сколько энергии готовы отдать эти люди ради соответствия любому клише.

Прейзинг, к собственному сожалению, от приглашения отказался, так как должен был ужинать с Саидой. Но пошел вместе с ними через пальмовую рощу к белым шатрам. Санфорд вышагивал первым, его спортивные сандалии вздымали облачка пыли, и та оседала в рыжеватых волосках на его голых икрах.

– У себя в шатре, – говорил Прейзинг, – внутри нисколько не напоминавшем палатку и сверху донизу убранном дорогими берберскими коврами, я взялся наконец разбирать чемодан, проклиная при этом свою экономку – о, эта простая душа!

Поглаживая большим пальцем руки свой желтый носок, он на миг замолк, чтобы мысленно вернуться к эконолке, а после заговорил снова:

– Она уложила мне в багаж только светлые вещи! В основном практичную одежду песочного цвета. Содержимого моего чемодана хватило бы на обмундирование всего Африканского корпуса Роммеля. В самом низу я обнаружил слегка помятый костюм из жатого ситца в бело-синюю полосочку – наряд плантатора, некогда подаренный мне одной доброй подругой для летней вечеринки в Хэмптоне. Совершенно неподходящий костюм для ужина в тунисском оазисе, но, по крайней мере, я не буду выглядеть так, будто вышел непосредственно из «Английского пациента». К тому же и выбора другого не было: на базаре в Тунисе я купил эконолке и секретарше в качестве знака внимания по флакону розовой воды, один из них пролился у меня в чемодане по пути в Чуб и украсил все остальные пиджаки неприглядными розовыми пятнами.

Прейзинг побрился и нарядился в свой плантаторский костюм. Подобрал белую рубашку с крахмальным воротничком, где розовая вода только сзади оставила след. Затем, встав перед зеркалом в восточной раме, он раз пять расстегнул-застегнул вторую сверху пуговицу рубашки и всякий раз оценивая себя оглядывал, пока не добился исполнения этого сложного движения с закрытыми глазами и левой рукой, предоставив случаю решение вопроса о том, будет ли пуговица в итоге расстегнута или застегнута.

Покинув шатер, Прейзинг пошел через пальмовую рощу, уже окутанную тьмой и лишь скудно освещенную несколькими фонарями. К кожаному аромату его одеколona для бритья подмешивалась приторная сладость розовой воды. Седые волоски на его груди выбивались из-под расстегнутого воротничка. Даже издали слышался громкий смех молодых людей. Он обливался потом.

– Меня усадили за маленький столик недалеко от бара, где я принялся ждать Саиду. Пиппа помахала мне из-за длинного, тянувшегося через весь ресторан, стола. Рядом с нею Санфорд с пивным стаканом в руке слушал молодую женщину, которая сидела напротив и тянулась к нему через весь стол, подкрепляя свой рассказ резкими, рассекающими воздух взмахами рук. Даже с моей наблюдательной позиции бросалось в глаза, сколь неподобающе глубоко позволяла она заглянуть в вырез ее маленького черного платья. Водительница «порше», надо полагать.

Саида появилась в зале, на ходу осведомилась у одного, у другого столика, все ли в порядке, лично поздоровалась с женихом и невестой, а передо мною корректно извинилась за поздний приход. Ужин наш был, как бы это сказать... то есть ужин сам по себе был превосходен, но неприятно напомнил мне тот час, когда Монсеф Дагфус оставил меня на попечении дочерей, чтобы с лопатой и ведром песка в руке шагнуть навстречу огню на своем фосфатном заводе. И нет тут ее вины, Саида очень старалась, но над крахмальной камчатной

скатертью между нею и мной так и витало ощущение того, что наша совместная трапеза есть часть задания, полученного ею от отца. Я намеренно придерживался легких тем. Поговорили о Париже, где мы оба учились. Ты ведь помнишь, что я в молодости некоторое время учился в Париже пению? Вот я и рассказал ей о тех бурных парижских временах, но Саида – серьезная молодая особа, она бурными временами не интересуется. Ей нравится Женевское озеро, на берегах которого она посещала знаменитую Швейцарскую школу гостиничного менеджмента, и тогда я заговорил про Набокова, которого она не знала, и про набоковских бабочек, но она, кажется, и бабочками не интересовалась. Я отклонялся так скоро, как мне удалось, ведь день оказался богат событиями, а я, соответственно, утомлен.

III

– На другое утро я встал вовремя, как обычно – ну, ты знаешь мои привычки. А уж когда завтрак – шведский стол, я из опаски просыпаюсь даже раньше. Прохлада ночи еще ощущалась в утреннем воздухе пустыни. Вижу, за накрытым столиком – чай и яйца-пашот – сидит в одиночку Санфорд.

«Добром это не кончится, – пророчествовал он над страницей вчерашней английской газеты. – Уж эти дети... Всех нас толкнут в пропасть, Дженни для „порше“ даже на бензин не хватит...» Капля яичного желтка угодила прямо в толпу посреди идиллического Ильфракомба, Санфорд сокрушенно покачал головой. И подтвердил свое намерение осмотреть сегодня руины подземных поселений берберских племен. Не хочу ли я отправиться с ним вместе?

Прейзинг, сомневаясь, попытался уйти от прямого ответа заинтересованным вопросом относительно характера этих таинственных мест. «Вырытые в земных недрах жилища, куда доступ ведет лишь через длинные туннели, объекты многовековой древности, почти не исследованные. Все на грани обрушения. Так сказать, последняя возможность: через несколько лет их поглотит земля», – распинался Санфорд.

Воодушевление вконец оставило Прейзинга. Все это отдает непредсказуемостью и авантюрой, а он – полагая, что обладает чутьем на такие вещи, – подозревал, что за культурной и образованной личиной Санфорда скрываются лихачество и склонность к спонтанным, необдуманым решениям. Как тут не обеспокоиться? «Поедемте, – пытался уговорить его Санфорд, – нас ждет настоящее приключение». Вот именно, думалось Прейзингу. С другой стороны, откуда ему знать, что понимает под приключением английский профессор социологии? Возможно, приключение того самого типа, что предпочтительно и для него, Прейзинга? Приключение, до некоторой степени интеллектуальное. Смелое освоение герменевтических целинных земель. Но зачем тогда у Санфорда на штанах столько накладных кармашков? Не нужны они тому, кто намерен лишь мысленно направиться из автомобиля на поиски неизведанного.

Ход его размышлений прервала Саида, в прекрасном настроении она налила себе кофе у стойки и тотчас справилась о самочувствии Санфорда в этот важный день. Ведь сегодня Марк и Келли торжественно празднуют свадьбу. Санфорд, нарочно пропустив слова Саиды мимо ушей, сообщил, что отправляется в сопровождении Прейзинга осматривать последние подземные жилища берберов. Саида приняла озабоченный вид. Она даст им в сопровождение Рашида. Санфорд отказался. Саида настаивала, он упрямылся. Последние три дня он сам по себе катался по окрестностям, да еще у него в наличии отличный картографический материал, да еще и автомобиль оснащен GPS-навигацией, хотя это излишество. Саида стояла на своем. Санфорд возражал против опеки. Прейзинг мягко вмешался, мол, не так и плохо иметь рядом человека, знающего здешние края. А Санфорд ответил, что это, мол, даже прекрасно, однако Рашид – смотритель бассейна в отеле и приятный молодой человек, но только родом он из предместий Сфакса и чрезвычайно болтлив. Саида стояла на своем. Рашид отправится с ними, иначе она не позволит им взять пикап, принадлежащий отелю. Санфорд возмущался, он-де в состоянии сам за себя отвечать. Но Саида ему даже договорить не дала: «I do not care what you do, Professor, but Mister Preising is in my responsibility. Take Rachid with you or join you family at the pool»¹¹. Санфорд на секунду утратил дар речи, но этого времени Саиде хватило, чтобы пожелать Прейзингу хорошего дня и удалиться.

¹¹ Меня не касается, чем занимаетесь вы, профессор, но за мистера Прейзинга я несу ответственность. Берите Рашида

Швырнув газету на стол, Санфорд в порыве раздражения договорился до шовинистского тезиса о том, что западную точку зрения на традиционную роль женщины в мусульманском обществе следует пересмотреть. Прейзинг же находился под большим впечатлением. Какое умение настоять на своем, какая строгость! И она чувствует за него ответственность. Даже как-то приятно. В эту авантюрную поездку с англичанином и смотрителем бассейна из Сфакса он отправится с сознанием того, что Саида, целый день занятая подготовкой к свадебному пиршеству, будет где-то в глубине души чуточку беспокоиться о нем. Уже теперь он радостно предчувствовал ее облегчение, тщательно прикрытое строгостью, когда он, припорошенный пылью, в вечерних сумерках предстанет ее очам.

Когда Прейзинг, облаченный в панаму рыболова-нахлыстовика и в штаны песочного цвета – для надежности он выбрал те, где больше всего карманов, несмотря на красующиеся на обеих коленках неприглядные пятна от розовой воды, – подошел к пикапу «тойота», узкобедный и широкоплечий юноша Рашид как раз устанавливал портативный холодильник в грузовой отсек. Он явно пребывал в чудесном настроении и радовался предстоящей вылазке. Санфорд, с недовольным видом принимая у него ключи, вопросительно посмотрел на холодильник. «Провиант», – пояснил Рашид и откинул пластиковую крышку так, будто собирался продемонстрировать народившихся щенков. Ящик был доверху набит лепешками со всякой начинкой, салатами и сладостями в пенопластовых упаковках, водой в бутылках. Хватило бы и на большую экспедицию. Санфорд, который за завтраком сунул в рюкзак две собственноручно намазанные булочки и две бутылки воды, презрительно фыркнул, садясь за руль. Прейзингу с Рашидом на узком двойном сиденье пришлось потесниться.

– Только Санфорд стал трогаться с места, – продолжал он рассказ, – как Рашид попросил подождать минутку: он забыл солнечные очки. Пока Рашид бегал за очками, Санфорд, не выключая двигатель, мрачно глядел в окно. Вдруг в его глазах сверкнула шальная молния. «Закройте дверь!» – скомандовал он. Не успел я выполнить это требование, как он, к моему изумлению, нажал педаль газа и рванул за служебные ворота на прямую песчаную дорогу. «А как же Рашид?!» – воскликнул я, увидев через плечо в узком окошке кабины, что оторопелый Рашид скрылся в поднявшемся облаке пыли. Санфорд повел себя как подросток. Вопил, горланил и победно бил кулаком в крышу кабины. Должен признаться, я поддался его настроению и тоже бурно радовался нашей озорной проделке, хотя почувствовал все-таки укор совести, бросил взгляд назад и изрядно испугался, когда за нами возник и стал явно увеличиваться в размерах бегущий Рашид – грудь вперед, раскинутые руки рассекают пыль как ножами. «Газу, газу прибавить!» – вскричал я. – Он нагоняет!» Санфорд изрыгнул проклятие, напомнив мне того острого на язык этнографа, моего знакомого, глянул в зеркало заднего вида, переключился на повышенную передачу, и мотор взревел. Похоже, Санфорд принял происходящее очень близко к сердцу. Ровно то же впечатление производил и Рашид, который, не снижая скорости и раздувая грудь, прорывался вперед через клубы пыли. Наконец мы вроде бы от него оторвались, во всяком случае, он совсем исчез в пыльном вихре. Санфорд долго истерически смеялся, потом вдруг резко оборвал смех и три раза подряд объявил, что он способен проследить за собой сам и не нуждается в проводнике. Мне же было как-то не по себе. Может, и проводник бы пригодился, да и бросить вот так Рашида не очень-то красиво. К тому же, сознаюсь, я несколько опасался реакции Саиды. Самовольничанье наше вряд ли ее порадует. Правда, сидеть в кабине стало существенно удобнее, ты ведь знаешь, как я не люблю тесноты.

Целых три километра бежал за машиной Рашид, незамеченный ими обоими, скрытый в гигантских облаках пыли, которую Санфорд поднимал в воздух своей возбужденной ездой. Рашид, тут Санфорд не ошибался, действительно был смотрителем бассейна в отеле, но – смотрителем с историей. История эта началась аварией на подъезде к автострате близ Тулузы, после которой восьмилетнего Рашида, единственного уцелевшего из всей семьи, отправили назад в Тунис, где его далее воспитывали бабка с дедом, проживавшие в Сфаксе.

Дед, маленький человек, чья выдубленная солью кожа обвисла, как почерневшая гофрированная бумага, был последним из знаменитых лоцманов-пловцов в порту Сфакса, но ко времени прибытия малыша Рашида в дом он давно уже вышел в отставку. На смену ему явились молодые люди с государственными лоцманскими дипломами и стальными лоцманскими катерами, они-то и ходили теперь встречать грузовые суда, вместо того чтобы плавать, как всю жизнь плавал Рашидов дед, в любую погоду, даже если над ним вздымались валы в человеческий рост, до бую с большим колоколом, который покачивался на расстоянии нескольких миль в открытом Средиземном море и за который он крепко держался, порой и много часов дожидаясь судна, оповестившего о прибытии. А когда наконец в темноте перед ним вырастала стальная громадина, он подгребал к борту, нащупывал веревочную лестницу, ловко карабкался вверх и стоял – мокрый, хоть выжимай, – рядом со штурманом, уверенной рукой показывая ему путь через коварные мели в гавани Сфакса.

Человек этот, Рашидов дед, имел несчастье жениться на очень злой женщине, так что ему не составляло труда болтаться часами, как пробка на воде, у желтого бую, цепляясь то одной, то другой рукой за ржавую скобу, чтобы только удержаться на плаву. Он любил заплывать в открытое море, подальше от своего домишки на утесе. Хотя именно там, у бую, ему хватало времени поразмышлять, отчего жена у него такая злая. Порой он думал, что она просто грустит, а когда корабля приходилось ждать очень долго или волны вздымались слишком уж высоко и колокол бил совсем громко, он думал еще, что сам ее и огорчает. Не раз он собирался, вернувшись домой, спросить, отчего она так грустна. Приняв решение, он всякий раз себя сдерживал, чтобы тотчас не поплыть назад со своим вопросом. Но никогда он не плыл назад и никогда ни о чем не спрашивал, ибо очень боялся ответа.

Когда единственный его сын погиб на автострате во Франции, оставив в наследство внука, ему давно уже ни к чему было плавать в открытом море, но и с женой слаще не стало, и работы другой не нашлось, так что он проводил целые дни на портовом молу в обществе других пожилых безработных мужчин, однако если вдруг чуял, что надвигается белый домишко, ближе, ближе, вот уже дышит в затылок, то он бросался в воду и плыл к желтому бую. Рашиду у бабки тоже приходилось несладко, вот так и вышло, что он стал проводить время со стариками на молу, выглядывая седоволосую дедову головушку в морской пене.

Рашид быстро выучился плавать. Дед с ним занимался. Рашид стал заплывать с дедом все дальше, а назад плыл один. Жена умерла, но старый портовый лоцман не распрощался с морем, ибо часто испытывал потребность подумать, отчего она так грустила, да обзывать себя трусливым старым дураком, ведь он так и не решился ее расспросить. Когда Рашиду исполнилось десять, они впервые поплыли вместе к бую. Побарахтались в теплой воде, держась за ржавые скобы. Но на обратный путь сил у Рашида не хватило. Он уцепился за морщинистую дедову шею, и тот проплыл с ним все расстояние до берега. В тот день они вернулись, когда давно уже стемнело. Такое с Рашидом повториться не должно! Два дня спустя они снова направились в открытое море, и весь путь назад Рашид преодолел сам. С тех пор они плавали к бую каждый день, иногда даже дважды. Вскоре Рашид стал плавать быстрее деда.

Однажды на него обратил внимание кто-то из федерации спорта. Рашиду дали тренера, под чьим руководством он часами без устали наматывал круги в большом бассейне спортивного общества. И тем не менее он каждый день плавал с дедом до бую. Шестнадцати лет

Рашида взяли в тунисскую национальную сборную. Он участвовал в двух Олимпиадах, во многих крупных международных состязаниях. Но на престижных соревнованиях в бассейне он никогда не занимал первые места. Его призванием оставалось море, длинные дистанции, двадцать пять километров и больше. Что и принесло ему местную славу. Рашид стал чемпионом Туниса, чемпионом Африки и даже взобрался на пьедестал мирового первенства. Дед сопровождал его почти на все состязания. Вместе они ездили по миру – Швебиш-Халль, Фукуока, Рим, Санта-Фе, Хельсинки. Старый лоцман с продубленной солью кожей умер у бортика городского бассейна в Самаре, на расстоянии трех тысяч километров от открытого моря.

Рашид вернулся в Сфакс. Продал белый домишко. С морем он навсегда распрощался. Нанялся сборщиком фиников в оазис Чуб. Когда власть над оазисом взял Слим Малук, Рашид устроился садовником в отель. Но из всего персонала он единственный умел плавать, поэтому вскоре его вырядили в белые плавки и отправили на бортик бассейна. Рашид испытывал к нему отвращение. Но к пустыне он привык и уезжать никуда не хотел. Скоро он понял, что бассейн в отеле – это тебе не море, а поскольку за все три года ни один турист даже не подумал тонуть и не случилось ни единого происшествия, которое заставило бы его войти в воду, то есть работа сводилась к тому, чтобы поутру длинным сачком вылавливать из воды потонувших ящериц, он признал свою новую роль зрителя бассейна. Но очень обрадовался, когда Саида поручила ему сопровождать двух туристов по пустыне.

В первую секунду он помчался за «тойотой», потому что сработал рефлекс. Но, увидев, как англичанин победоносно выбрасывает вверх кулак, он решил вступить с ним в состязание. Три километра пробежал Рашид за облаком пыли. То он нагонял, то вдруг они чуточку вырывались вперед. Но нипочем им не удавалось от него оторваться. Он чувствовал, что может бежать бесконечно, его могучие легкие втягивали горячий воздух пустыни, и столько у него было сил, столько упорства, и вспоминался дед, старый лоцман, и как они цеплялись за ржавую скобу и смотрели на проходящие мимо большие корабли, и как над ними бил колокол в такт бегу волн, так громко, что они умолкали. Он мог бежать бесконечно. Тем двоим нипочем не оторваться. Но тут Рашиду вспомнилась его грустная бабка, и такая великая тоска овладела всем его существом, что он остановился. «Суки поганые!» – крикнул он вслед двум туристам и трусцой вернулся в отель.

– Вскоре, – продолжал Преизинг свой рассказ, – мы снова выехали на грунтовую дорогу, но путешествие наше комфортабельнее не стало. Правда, Санфорд прикладывал все усилия к тому, чтобы выглядеть приятным и занимательным спутником, стараясь обогатить меня разнообразными сведениями из берберской истории. После двух часов пути я не без радости приметил деревеньку, вдруг показавшуюся на горном склоне, а мой попутчик предложил выпить там по стакану чая. И действительно посреди запыленных лачуг обнаружилось нечто вроде главной площади, а там и кафешка с металлическими столиками и табуретами в тени расположенной напротив жандармерии.

В то время как Санфорд докладывал о структуре берберской деревни и о роли женщин – причем Преизингу удавалось вставить и свое, ведь он кое-что подчитал про чужие народы, а Санфорд, размякнув от сладкого травяного чая, без особых возражений принял предложенное Преизингом сравнение традиций наследования у гватемальских горных кланов с кровавыми обрядами инициации у западноафриканских племен (или все-таки у суринамских аборигенов?) и невнятную попытку увязать все это с берберами, – в то самое время на фасаде жандармерии, прямо над остатками сбитых инсигний Французской Республики, открылось окно и показался лысый чиновник с густыми усами и золотым аксельбантом, прижимавший к уху телефонную трубку. Преизинг посмотрел вверх, их взгляды встретились.

Прейзинг всегда придерживался мнения, что с местными авторитетами имеет смысл быть на дружеской ноге, и приветливо помахал рукой. Чиновник в ответ по-военному приложил два пальца к лысой голове, закончил телефонный разговор, вытащил из нагрудного кармана пачку «Бусетты», закурил и уютно устроился у окна, положив живот на подоконник.

Санфорд, стараясь вновь овладеть вниманием Прейзинга, теперь потчевал его обзором традиционных берберских свадебных яств, среди которых важнейшее место отводилось жареной верблюжатине с кускусом. «Верблюда, зажаренного целиком, – наставлял он Прейзинга, – изысканным образом начиняют наподобие русской матрешки: внутри – целый баран, и тот начинен козой, а коза, в свою очередь, начинена дрофой, а дрофа – дюжиной куропаток, начиненных барбарисом и финиками». Прейзинг не поверил. Он вроде бы уже слышал не то саму эту историю, не то ее вариацию, причем скорее в юмористическом контексте.

Не успели они допить чай, да и усатый не успел докурить сигарету, как к зданию подкаптал черный вездеход. Открылась правая передняя дверь, молодой человек в темном костюме направился в жандармерию. Прейзинг глянул вверх, но курильщик уже скрылся. Зато человек в темном костюме почти сразу вышел, опять уселся в машину к своему сотоварищу и устремил взгляд сквозь темные очки прямо вперед. Мотор не выключали.

Санфорд расплатился, и они выехали из деревни в сторону гор по узкой щебеночной дороге.

– Мне сразу показалось, – рассказывал дальше Прейзинг, – что за нами следует автомобиль. Должен признаться, от одной только мысли об этом на лбу у меня выступили капли пота. Достаточно я наслушался о похищенных туристах. – Даже сейчас глаза у него расширились от ужаса при воспоминании о тогдашнем гнетущем чувстве, и для пущей наглядности он крепко сжал мое запястье. – Повернувшись, я заметил, что Санфорд то и дело посматривает в зеркало заднего вида. Очевидно, и он заметил автомобиль.

«Нас преследуют!» – воскликнул Прейзинг. «Да, – отвечал Санфорд, – у меня складывается такое же впечатление». – «Вот видите, вот видите, – запричитал Прейзинг, – послушались бы мы Саиды, так теперь бы с нами был Рашид. Боже ты мой, зачем мы его бросили! Вот был бы с нами Рашид...» Санфорд перебил: «Простите, но чего ждать от зрителя бассейна?» Прейзинг и сам не знал, но все-таки заметил, что присутствие местного жителя в случае похищения может оказаться полезным. «Похищение? Кто сказал? Кто кого похищает?» – удивился Санфорд. «Это либо Аль-Каида, либо борцы за независимость Туниса!» – не сдавался Прейзинг. «Тунис получил независимость в 1956 году, – спокойно возразил Санфорд. – Не наделайте в штаны, мой друг, это те двое в штатском на вездеходе, они нас точно не похитят».

«Кто же эти люди?!»

«А я почему знаю? Наверное, TSWBS».

Ти, эс, дабл-ю, би, эс? Такие звуки ничего доброго не предвещали. «Что же это значит?» – попытался уточнить Прейзинг.

«Tunisian State Wankers in Black Suits¹²», – загоготал Санфорд.

Не будь Прейзинг объят страхом, он бы, наверное, возмутился, уж ему ли не знать английских интеллектуалов с их юмором – сухим, как сухарь, и черным, как ночь, но хотя бы изысканным.

¹² Государственные тунисские мерзавцы в черных костюмах (англ.).

«Бросьте, дружище, – Санфорд слегка толкнул его в бедро, – расслабьтесь, они из государственной безопасности, из внутренней разведки – SFNP, или как тут у них называются эти органы?..»

«SFNP?» – с сомнением переспросил Прейзинг.

«Sadistic Fingernail Pullers!»¹³ – Санфорд заржал и хлопнул ладонью по рулю.

«Что им нужно? – Прейзинг едва не поперхнулся. – При чем тут пещерные жилища? Разве запрещается осматривать эти объекты?»

«Они тут из-за вас, – ухмыльнулся Санфорд. – Полагаю, смотритель бассейна доложил о нашей мелкой шалости, а ваша приятельница посадила нам на хвост госбезопасность, чтобы вы не потерялись. Для этой женщины вы, как видно, немало значите. И связи у нее, как видно, имеются».

Оба они поглядели в зеркала заднего вида. На неизменном расстоянии за ними следовал автомобиль.

«Ну что, оторвемся?» – предложил охочий до приключений англичанин.

– Я почел себя обязанным напомнить ему о родительской ответственности, которая никак не допускает падения в грузовичке на дно тунисского ущелья за несколько часов до свадьбы сына, заметим – единственного. Лучше бы мне тогда промолчать, так как Санфорд буквально принял к сведению, что машину хорошо бы сбросить с крутого склона – то ли ради того, чтобы уберечься от надвигающейся вечерней церемонии, то ли оттого, что я неосмотрительно напомнил ему об утрате Лоры, дочери, и пробудил в нем тоску по смерти.

– Потеря ребенка может, – Прейзинг очень старался произнести это вроде бы мимоходом, – как я недавно читал, правда, не помню, где именно, у постигнутых несчастьем даже спустя годы вызвать в минуту обострения непредвиденную реакцию.

Демонстративно я сложил руки на коленях и легонько пошаркал ногами по гравию с целью дать ему сигнал, что я, мол, далек от подобных порывов чувств и надеюсь, что он закроет эту тему и продолжит рассказ.

– Во всяком случае, – напоследок озабоченно на меня покосившись, он возобновил повествование, – Санфорд нещадно давил на газ, так что задние колеса при любом повороте буксовали в щебенке, и мы несколько раз оказывались на волосок от гибели.

Прейзинг облегченно вздохнул лишь тогда, когда горная дорога, выведя их на узкое плато, пошла вперед почти прямо. Санфорд, избежав близкой смерти, похоже, перестал испытывать удовольствие от погони и теперь ехал по суровой, но восхитительно красивой местности не спеша и поглядывал налево и направо в поисках подземных жилищ. Темный вездеход следовал за ними на неизменном расстоянии, а когда Санфорд затормозил, соглядатаи тоже прижались к обочине.

Англичанин-социолог, нацепив рюкзачок, настаивал на продолжении пути пешком. Прейзинг, которому никто не сказал, что может понадобиться рюкзак, сунул в карманы две бутылки холодной воды, а за пазуху – две лепешки с начинкой, и те вскоре заявили о себе жирными серыми пятнами, составившими замечательный контраст пятнам розовой воды на штанах. Нелегко было Прейзингу поспевать за размашистым шагом англичанина, тем более что бутылки с водой били по ногам и оттягивали штаны, а солнцезащитный крем, поспешно нанесенный на ходу, жег глаза. Однако он счел нецелесообразным просить своего английского товарища замедлить шаг, ведь того и так раздражало присутствие людей в штатском, коим он был обязан Прейзингу. Он уже и без того не на шутку разгневался, когда обернулся

¹³ Садисты, выдирающие ногти (англ.).

к спотыкающемуся Прейзингу и заметил позади соглядатаев, которые не стали утруждать себя пешим ходом, а съехали с дороги на своем тяжелом вездеходе и теперь, обходя скалы и подминая колючие кустарники, вели его враскачку, как большого буйвола на выпасе.

Прейзинг отчасти пришел в себя, когда на легком подъеме у края плато разглядел пять кратерообразных возвышений, в которых Санфорд тотчас распознал верхнюю, видимую часть подземных жилищ. Поджарый социолог ускорил шаг, только сандалии зашлепали; Прейзинг поспешал за ним.

– В конечном счете, – сказал Прейзинг, – полное разочарование. К чему все эти волнения, брошенный смотритель бассейна, возможное похищение, гонки по краю обрыва, мучительный пеший поход? Пойми меня правильно. Ты ведь знаешь, я всегда готов восхищаться чужой культурой, но после всех бедствий и волнений эти подземные жилища оказались чистым разочарованием. Дело, возможно, в том, что данный комплекс мы смогли осмотреть лишь снаружи, точнее сверху, так как все пути к подземным помещениям и дворам оказались либо засыпаны, либо заколочены грубыми досками, заперты на навесные замки и снабжены предупредительными табличками, по-арабски и по-французски настоятельно запрещавшими проход из-за опасности обрушений. Впрочем, я уверен, что вовсе не таблички, а присутствие господ из государственной охраны, наблюдавших за нами в бинокль из вездехода, помешало Санфорду сбить каменюкой ржавые замки и обследовать полуразрушенные ходы и помещения.

Санфорд вовсе не выказал разочарования. Напротив, он впал в эйфорию. Заглядывал через щели в темные ходы, спешил от провала к провалу и заставлял изнуренного Прейзинга взбираться на четвереньках по насыпям вокруг дворов, ложиться ничком и вглядываться в глинистые ямы, где будто бы открываются ниши и комнаты, а сам без умолку излагал про берберские кланы, некогда населявшие те глиняные жилища. Вот они, отдельные кухонные ниши, для каждой женщины клана своя, вот комната для мужчин, а вот помещение для скота. При этом он неустанно щелкал камерой и просил Прейзинга подстраховать его, держа за ремень, чтобы найти лучший ракурс для съемки и ниже наклониться над стеной двора.

Что ж, пришлось ему ухватить англичанина за липкий ремень: тот, напирая животом на осыпающийся край земляного вала, с риском для жизни тянулся вперед, а Прейзинг столь же завороченно, сколь и негодуяще пялился на его совершенно безволосый и тощий, поразительно бледный зад, который сантиметр за сантиметром выпрастывался из походных штанов. И вот, глядя на полуобнаженную задницу этого мужа, он волей-неволей представил себе ягоды Пиппы. За этим занятием у него едва не закружилась голова, ибо кровь прилила к его чреслам – и оттого, что воображение рисовало ему ягоды учительницы английского очень даже ладными (а ведь рядом муж!), и оттого, что напряжение при попытке удержать социолога привело к задержке дыхания и напомнило ощущение от занятий гимнастикой с шестом для лазанья, но главное – оттого, что оголившаяся под североафриканским солнцем мужская задница не оставила его совсем равнодушным. Эти непривычные и противоречивые ощущения усилились, когда он осознал, что все это происходит на глазах у людей из тунисской госбезопасности, оснащенных биноклями, и уж тут усиленное пыхтение его попутчика с фотокамерой взревело ураганом у него в ушах.

На обратном пути разговаривали мало. Недалеко от отеля обогнали какого-то местного: в майке «Манчестер Юнайтед» с номером 8 и фамилией Руни на спине, тот вел под уздцы великолепно наряженного верблюда. «Для моей невестки, – пояснил Санфорд. – К

алтарю она поедет верхом». — «На верблюде?» — удивился Преизинг. — «Да, верхом на верблюде».

IV

Вопреки чаяниям, возвращение в отель оказалось бесславным. Саида при виде Прейзинга, кажется, вовсе не испытала облегчения.

На счастье, она усердно занималась подготовкой к свадебному пиршеству и смогла уделить ему лишь минутку-другую. Но и того хватило, чтобы Прейзинга окончательно посрамить. Посрамить и лишит иллюзий, ибо Саида, отвергнув его робкую попытку сослаться на Санфорда, четко объяснила, что несолидное его поведение принесло ей не столько беспокойство о нем, сколько кучу неприятностей, но самое главное – она старательно подчеркивала и колола ему глаза тем, что и само его пребывание здесь, и все здешнее гостеприимство есть не что иное, как статья бюджета, и тут налицо значительный перерасход. А еще дала понять, что дочь Слима Малука всегда может попросить об услуге органы государственной безопасности, но подобные услуги в итоге небезвозмездны, даже наоборот: их нельзя оплатить чистой монетой, зато они на долгое время обязывают к оказанию ответных услуг в виде какой-нибудь эдакой помощи, то есть процентная ставка всегда непомерно высока.

Проклиная Продановича, бывшего специалиста-метролога, который, собственно, и загнал его в этот угол, Прейзинг пытался прокрасться домой на значительном расстоянии от бывшего чемпиона мира по плаванию, а тот в тенечке у стены играл с худющей борзой и четырьмя ее резвыми щенками, в отместку демонстративно не обращая на Прейзинга никакого внимания.

– Приняв освежающий душ – впрочем, далеко не такой холодный, каким меня только что окатила Саида, – я взял своего Мессади, да кувшин лимонной воды, да корзиночку фиников и полез по ступеням на «террасу бая», где нашел Пиппу, погруженную в изучение какого-то листка бумаги. При виде меня она вроде бы очень обрадовалась. Только что сюда заходил Санфорд и, по ее словам, с восторгом отзывался о нашей поездке. Как она рада, что я езжу с ним вместе на экскурсии и немножечко за ним приглядываю, ведь ее мужу отчасти свойственно легкомыслие. Уж не знаю, справился ли я с задачей настолько, чтобы заслужить ее одобрение. По-моему, ни от каких легкомысленных поступков мне уберечь его не удалось. Правда, я подстраховал Санфорда на земляном валу, держа за ремень, пока он фотографировал.

Пиппа предложила мне присесть рядом с нею; я поинтересовался, как она провела день. Показывая зажатый в руке листок, она рассказала, как пыталась выучить наизусть вот это стихотворение. Вечером она собирается зачитать его на свадьбе, таков ее вклад в предстоящее мероприятие, но учить стихи ей становится все труднее, и это, видимо, возрастное. «Увы, увы!» – не приняла она мою попытку увещевания. Это-де за пределами ее возможностей, и никакие любезные слова тут не помогут, раньше она на удивление легко учила стихи наизусть и с той же легкостью читала их на публике, а теперь уже редко способна на такой поступок, да и вообще у нее сложилось впечатление, что теперь редко бывают такие минуты, когда чтение стихов уместно. С ее наблюдением я тотчас готов был согласиться. «Однако, – все же заметил я, – с этим следует решительно бороться. Поэзия и публичное чтение стихов очень важны, лишь так человек становится истинно человеком».

Следовать за ходом моей мысли столь далеко Пиппа была не готова, но зато вспомнила некоего обреченного на смерть американского философа (увы, имя его я позабыл), который описал дар чтения стихов такими странными, но, как казалось нам с Пиппой, меткими словами: «to be able to rattle off some old chestnuts» – «умение потрещать старыми каштанами». Притом «rattle off» означает «трещать» в смысле «быстро говорить», но заодно напоминает мягкое постукивание, треск, какой издают каштаны, если потрясти их между двумя ладо-

нями. Как сказала Пиппа, образ удачен во многих отношениях, ведь «треск» не отменяет того, что ты понимаешь, как нелепо иметь про запас стишок на любой случай, а сами каштаны явно указывают на осень жизни, которую и переживал философ, чье имя выпало у меня из памяти, когда писал эти строки, зная о смертельном диагнозе. Конечно, чтение стихов вслух соотносится скорее с осенью жизни, нежели с цветением юности. Тяжко вздохнув, она устремила меланхоличный взгляд вниз, на пальмовое море у нас под ногами.

Я искренне пожалел Пиппу, переживающую осень жизни лишь из-за того, что ее сын намерен вступить в брак. Но надо признать: эти молодые люди обладали особым талантом внушить тебе сознание того, что ты старик.

И дело не в том, что сами они выглядели до неприличия молодо, тут Прейзинг заблуждался. И не в густых шевелюрах, не в плоских животиках, не в узких бедрах. И даже не в развязных манерах, шумном их поведении, игривости их жестов, иронических нотках, сопровождающих любое их высказывание. А в том дело, что им удавалось выдавать за правду ту игру, которую они разыгрывали. Удавалось, разумеется, лишь потому, что та игра обладала безмерным могуществом. И сила той игры была в деньгах, в чудовищных суммах, которыми они оперировали изо дня в день, в непристойных их окладах. Как же можно обращать в игру то, что имеет решающее значение для общества?

Бессмысленность этих потуг осознал после третьей бутылки пива «Хейнекен» даже Вилли, покачиваясь на волнах в желтом надувном круге. Где деньги – там и истина. «Потому, – думала даже Мери Ибботсон, ощущая во рту пыльный привкус угольной таблетки, – нет и в народе единого мнения о том, что же находится по ту сторону радуги». Жители Нормандских островов – это она доподлинно знала, так как на острове Гернси проживала ее кузина, – придерживаются мнения, что по ту сторону радуги находится истина. А дома у нее, в Ливерпуле, исстари поют детскую песенку про радугу, по ту сторону которой вроде бы спрятан клад. Впрочем, Мери Ибботсон, не совсем полагаясь на собственные аналитические способности, так и не дошла в своих размышлениях до конца, она удовлетворилась смутной мыслью о том, что по ту сторону радуги обретается и одно, и другое – то бишь и деньги, и истина. А еще вероятнее, что они суть одно и то же, а именно: деньги и есть истина, а значит, ее кузина права. Есть в этом смысл, уж что-что, а в деньгах там, на Гернси, знают толк. Однако и эту мысль Мери удалось прогнать, не случайно же она всегда недолюбливала ту кузину.

Подобными вопросами задавались не только Ибботсоны. Даже Санфорд, всецело полагавшийся на свои аналитические способности, не смог уйти от тревожной мысли, что извращенное общество освоило тезис Уильяма Джеймса о наличной стоимости истины в его извращенном и вульгарном варианте, и от такого вывода мурашки побежали у него по спине. Ведь если Джеймс прав – а он, Санфорд, пока еще далек от сомнений в том, что критерием истины является польза, – то проблема с ножницами доходов, со времен Маргарет Тэтчер расходящимися все шире, оказывается не только проблемой неравного распределения денег, но и проблемой неравного распределения истины. Вывод, который в смысле общественном вселил в него страх, а в смысле личном оставил чувство, что его жизнь, его профессия, его убеждения ныне маргинализуются, деградируют до пустой игры, но поскольку он молодым себя вовсе не чувствует, то игры не детской, а стариковской, до уровня никчемных пенсионерских забав: социология, гольф, петанк, коммунитаризм, бинго – все одно. Короче, в присутствии сына и его друзей он казался себе стариком, точно как и его жена, менее склонная к анализу, явно чувствовала, что широкоплечий и узкобедрый финансовый рынок признал бесполезными ее уроки английского, ее кружок любителей чтения, ее страсть к поэзии.

Что касается Прейзинга, то картина складывалась иная. Если истина в деньгах, то масса этой истины на его стороне. С такими финансовыми возможностями ему бы и распо-

ряжаться, что считать игрой, а что реальностью. Почему же Прейзинг допустил, чтобы его там запугали самонадеянные торговцы дериватами и организованные разработчицы четких стратегий?

«Да просто потому, – подумал я, набрав целую пригоршню гравия, – что Прейзинг не умеет обращаться с деньгами. Нет, деньги он не транжирит и не пускает на ветер, даже наоборот – он их почти не тратит, но именно потому он обращается с деньгами безответственно».

Он боялся своих денег так же, как боялся любого другого инструмента. Не оттого, что мог бы порезать палец или что-нибудь там защемить. Прейзинг боялся действенной силы денег, как и любых инструментов; он с содроганием вспоминал, как катался на лыжах в Ле-Дьяблере и однажды увидел, что двое мужчин рассекают толстенный кабель для новой канатной дороги с помощью крошечной, как ему показалось, машинки, обладавшей немислимой силой, – так вот, он думал, что деньги есть не что иное, как особо действенный инструмент, не что иное, как инструмент для осуществления больших целей, даже высоких целей. Это мне объяснил Проданович, который в прошлую пятницу навещал Прейзинга, и по такому случаю меня ему представили.

Прейзинг, конечно, даже и не думал задаваться вопросами о больших и высоких целях, даже и не думал брать на себя такую ответственность, он сводил на нет связанные с ним ожидания, просто довольствуясь тем, что богат, я даже думаю – баснословно богат, но сам живет, как обычный гражданин, если не считать экономки, которую он позволял себе держать ради решения множества бытовых вопросов.

Еще я подумал, что ведь с поставленными целями дело не так просто. Сомневаюсь, что Проданович вкладывал в постановку целей особые усилия. Таково мое предположение, хотя Проданович мне знаком только по рассказам Прейзинга, да еще мы мельком виделись под сенью желтой стены. И ведь не сказать, что я к нему несправедлив, я просто ставлю его в один ряд с тем множеством ему подобных, кто создает ценности, принимает важные решения и зарабатывает кучу денег, но поди спроси их, так они ответят, дескать, деньги для них совсем и не стимул, нипочем они не станут зарабатывать деньги ради денег, как будто их заподозрили в том, что они собираются в деньгах купаться, а пока что сносят монеты в хранилище и макают в них хвост. Нет, нет, деньги для них – лишь средство для достижения цели, с ними открываются возможности, да, возможности совершить что-нибудь великое, хотя величина деяния обычно выражается в квадратных метрах жилой площади на мысе Кан-Ферра или в корпусной длине судна у острова Сен-Барт, в лучшем случае – в покупке фабрики по производству косточек для бюстгальтеров в Бангладеш, а это принесет еще больше денег, чтобы «шел процесс», как они любят выражаться. Деньги не самоценны, в этом весь смысл, вот в чем глубинная идея. Только почему они пытаются нам запродать ее как собственное открытие, почему думают этим хоть что-то, да улучшить?

Тут уж я по-настоящему разозлился и не сумел усидеть на садовом стуле.

– Давайте-ка вперед! – грубо скомандовал я, выбросил камешки и пошел.

Прейзинг, отнеся мой призыв не к продолжению прогулки, а к продолжению рассказа, постарался вновь нащупать его нить.

– В общем, – заговорил он, – Пиппа пребывала в некоторой меланхолии, и я попробовал развеять ее настроением вопросом о том, какие же стихи она выбрала для прочтения на свадьбе сына. Оказывается – длинное стихотворение незнакомого мне тогда и, на мой вкус, несколько сомнительного американского поэта по фамилии Снайдер, битника, последователя дзен и одного из основателей американской глубинной экологии. Сплошная эклектика,

согласись. Тем не менее я попросил Пиппу, поскольку и не слыхивал про это стихотворение, меня с ним ознакомить, сначала она долго ломалась, но потом все же прочитала стихи на великолепном британском английском.

Несколькими шагами вприпрыжку он обогнал меня, перегородив дорогу, глубоко вдохнул и торжественно провозгласил:

– *Axe Handles* by Gary Snyder. Да, я знаю эти стихи наизусть, потому что в неразберихе последующих дней, о чем пойдет речь позже, я в какой-то миг не растерялся, присвоил тот листок и тем самым спас его от огня. Листок – единственное, что сохранилось у меня после всех приключений, я часто в него заглядывал и запомнил стихотворение наизусть.

Прейзинг раскинул руки – то ли он преграждал мне путь к бегству, то ли хотел добавить своим словам выразительности – и с сильным акцентом, выговаривая все «*the*» как «*зе*», но все-таки отчасти подражая учительнице английского, начал декламировать:

*One afternoon the last week in April
Showing Kai how to throw a hatchet
One-half turn and it sticks in a stump.
He recalls the hatchet-head
Without a handle, in the shop
And go gets it, and wants it for his own.
A broken-off axe handle behind the door
Is long enough for a hatchet,
We cut it to length and take it
With the hatchet-head
And working hatchet, to the wood block.
There I begin to shape the old handle
With the hatchet, and the phrase
First learned from Ezra Pound
Rings in my ears!
«When making an axe handle the
pattern is not far off».
And I say this to Kai
«Look: We'll shape the handle
By checking the handle
Of the axe we cut with» —
And he sees. And I hear it again:
It's in Lu Ji's Wen Fu, fourth century
A.D. «Essay on Literature» – in the
Preface: «In making the handle
Of an axe
By cutting wood with an axe
The model is indeed near at hand». —
My teacher Shih-hsiang Chen
Translated that and taught it years ago
And I see: Pound was an axe,
Chen was an axe, I am an axe
And my son a handle, soon
To be shaping again, model
And tool, craft of culture,*

*How we go on*¹⁴.

На «террасе бея» Прейзинг, замороженный метафорической мощью стихов американского поэта, утопал в замечательной синеве глаз английской учительницы и не видел, как все резче обозначались морщины на ее челе. Она дочитала. На время воцарилась тишина. Лишь пальмы легонько шелестели верхушками, но тут Пиппа нарушила тишину кратким и крепким английским словом, напирая на букву «F». Прейзинг – за время экскурсии с мужем Пиппы он вроде бы по привычке к суровой манере выражаться, явно присущей английским интеллектуалам, – решил, что таким способом она хочет подтвердить свое согласие с прочитанными стихами, и попытался также подыскать слова, но все они казались ему неточны, а может, таковы они и были, ведь он изъяснялся на чужом для него языке. Наконец, он попробовал начать с «Да, действительно...» (*Yes indeed...*), оборвал сам себя, начал заново и, уж как сумел, сообщил, *that the apple does not fall so far from the stem*¹⁵ – так, мол, у нас говорят, но эта общеизвестная истина выражена здесь неподражаемым образом.

Пиппе эта попытка анализа показалась несколько поверхностной, она мрачно смотрела мимо него в пустоту. Не будет она ставить себя в дурацкое положение. Как ей такое в голову пришло? Ясно, она при изготовлении рукояти плохо сняла мерку и теперь не может рассчитывать на то, что ее сын проникнется тонким смыслом стихов и уж тем более разделит ее восторг, ведь они никогда не разделяют ничьих восторгов. Да и поздновато уж теперь заниматься воспитанием. Слишком многое, и к Санфорду это тоже относится в полной мере, сделано было неверно. Не удалось поделиться, не удалось передать то, что самим казалось важным. Прейзинг молчал. А вообще-то – так она рассуждала – сложившееся положение вещей можно интерпретировать двояко: либо сама она плохо строга, либо сама она не была достойным образцом. Первое, правда, вероятнее, потому что в сыне своем она себя почти не узнает. И уж чтением стихов на его свадьбе теперь ничего не изменить – так она считала.

Прейзинг почуял, что не надо бы оставлять Пиппу с этим чувством горечи. И принялся уверять ее, мол, пусть и тяжело ей сейчас осознать, что она могла бы дать сыну больше, нежели дала, однако дело тут и в обстановке, и в обстоятельствах.

«Пиппа, не забывайте: это стихотворение восходит к далекому прошлому, к глубинам истории, к истории многих поколений, но обращено в будущее, к поколениям новым. В нем отображаются, – Прейзинга воодушевляла его собственная речь, – звенья единой живой цепи. Ваш сын однажды тоже станет отцом, и тогда ему вспомнятся ваши слова. Стихотворение – как это важно! Прочитайте его сегодня вечером, Пиппа».

Пиппа покосилась на него с сомнением: «Вы и вправду так думаете? Я же выставлю себя на посмешище».

«Нет! – вскричал вдохновенный Прейзинг, хотя он слабо разбирался в отношениях между взрослыми детьми и родителями. – Вам надо потрещать каштанами».

¹⁴ Гэри Снайдер. Рукояти топора. Однажды днем в конце апреля//Я показал Каю, как бросают топорик, //Полтора оборота – и тот вонзается в пень. //Кай вспомнил про лезвие//Без рукояти, в мастерской, //Пошел за ним и взял его себе. //Обломок топорика там, за дверью, //Достаточной длины для топора, //Мы пилим его вдоль, // Соединяем с лезвием, и вот брусок. //И вот я придаю форму старому топоричу — //Топором, и фраза, // Ее я прочитал у Эзры Паунда, //Звучит в ушах! //«Когда строгаешь топориче, //Образчик ты найдешь тут рядом». //И говорю Каю: //«Смотри: мы строгаем топориче, //Испытывая рукоятку топора, //Которым мы строгаем...» //И он понимает. А я снова слышу: //Так написал в «Вэнь фу» //Лу Цзи, четвертый век н. э., во //Вступлении: «Делая рукоять // Топора, //Строгая дерево топором, //Образец ты держишь в руке». //Мой учитель Ши-сян Чен //Перевел эти слова и давно учил этому, //И я понимаю: Паунд – это топор, //Чен был топором, я сам – топор, //А мой сын – рукоять, и скоро //Он сам изготовит образец //И инструмент, ремесло культуры, //Так мы движемся дальше.

¹⁵ ...что яблоко от яблони недалеко падает (англ.).

«Ей надо потрещать каштанами?» Англичанин-социолог, нежданно-негаданно возникший на скальной террасе, смотрел на Прейзинга с веселым любопытством, как будто тот обратился к его жене с каким-то предложением, одновременно и неприличным, и несерьезным. Прейзинг пустился в долгие объяснения, причем ему весьма недоставало имени философа, уже им позабытого к тому времени, но Пиппа скоро его перебила, обратившись к мужу с просьбой не пугать их нового общего друга.

Санфорд же пришел на террасу с просьбой к Пиппе: Саида считает необходимым обсудить некоторые последние мелочи, однако миссис Ибботсон по-прежнему дурно себя чувствует, а с рассадкой гостей все еще нет ясности, но такое дело Саида готова обсуждать только с семьей. Пиппа поначалу отказалась: отчего бы Санфорду не взять это на себя? И тут уж ему пришлось поведать жене, что Саида не особенно жаждет вступать с ним в разговоры, а вот почему – откуда ему-то знать, да и вообще эта Саида такая непростая, да, именно непростая и по-своему обидчивая. Пиппа скептически взглянула на мужа. Прейзинг сосредоточенно пытался выудить лимонный ломтик из стакана и очень обрадовался, когда Пиппа на том и закрыла тему. Она встала, поцеловала мужа в свежевыбритую тощую шею, а перед уходом пригласила Прейзинга стать вечером их гостем, они с Санфордом будут рады, а уж Келли с Марком точно не будут против. Прейзинг запротестовал. Для такого случая у него нет подходящего костюма. Но те двое убедили его, что дресс-код сегодня кэжуал, и Санфорд заверил, что плантаторский костюм подойдет отлично. Ведь если чего и не хватает на английской свадьбе в туниССкой пустыне, так это швейцарского бизнесмена в костюме землевладельца из южных штатов.

V

Итак, в назначенное время Прейзинг вновь облачился в костюм из жатого ситца, вспоминая при этом неправдоподобно зеленую лужайку в Хэмптонс, где устроили тогда летний праздник и где подруга, которую он сопровождал и которая по такому случаю купила ему этот самый костюм, поила его мятным джулепом из запотевших серебряных бокалов в таком количестве, что он напился допьяна. От подруги с ее недвусмысленными авансами со всеми их непредвиденными последствиями Прейзингу удалось унести ноги только благодаря тому, что там кто-то из ребяташек, столь же переутомленных, сколь и перевозбужденных, а именно восьмилетний озорник со стрелочкой на брючках и в лоферах тридцать второго размера, промахнувшись, раздробил ей крокетным молотком два пальчика на ноге.

От белой рубашки с пятнами розовой воды на спине несло довольно крепко, и все потому, что Прейзингу, когда он пытался пробудить в Саиде интерес к лепидоптерологическим прогулкам Набокова по-над берегом Женевского озера, пришлось изрядно попотеть. Теперь он предпринял вялую попытку противодействия, сбрызнув подмышки немалым количеством одеколона. Сложный вопрос с пуговицей на рубашке, второй сверху, ему удалось обойти следующим путем: застегивая рубашку, он пытался подсчитать в уме количество диакритических знаков в оригинальном тексте того пассажа у Пруста, где говорится о пирожных «мадлен», того пассажа, который Прейзинг потрудился выучить наизусть, потому что на протяжении своей жизни не раз замечал, что эти печеньица, а возможно, и вообще воспоминания детства, связанные с продуктами питания, в обществе нередко становятся темой для разговоров.

Вот так нарядившись, он покинул свой шатер, распрямил плечи и пошел через пальмовую рощу на шум, который несся со стороны бара у бассейна, где гости перед свадебной церемонией подкреплялись шампанским и креветками-темпура под соусом харисса. Даже издали в многоголосой болтовне и в общем хохоте выделялся какой-то блекочущий смешок; его Прейзинг безошибочно приписал человеку, которого и ранее приметил, человеку чуть постарше остальных, которого с самого первого взгляда выделил из всех из-за намечающегося лишь у него брюшка, самоуверенно выставленного напоказ под широкой грудью. Прейзинг слышал, что молодежь обращается к этому человеку «Квики», и у него сложилось впечатление, что, несмотря на всю нелепость этой клички, другие оказывают ему некоторое уважение, не пытаются дружески хлопнуть по плечу и, даже наоборот, принимают за поощрение что-нибудь вроде шуточного хука по печени, а уж такие показательные удары Квики раздавал направо и налево. А персоналу отеля он раздавал отрывистые приказания на плохом арабском языке. Лицо у Квики – по оценке Прейзинга, ему не было и сорока – выражало крайнее утомление, когда никто его не видел, но в остальном он выступал с эдакой агрессивной маскулинностью, что Прейзингу казалось неподобающе сексуальным и даже грязным. «Гиена среди тигрят», – подумала Пиппа. «Всем дерьмовщикам дерьмовщик!» – сказал Санфорд. Они видели, как Квики демонстрировал прыжок задницей в воду, сгруппировавшись с двумя бутылками пива в руках.

– Кэжуал, – просвещал меня Прейзинг, – в тех кругах означает отсутствие галстука и расстегнутый пиджак. Молодые люди одеты были в узкого кроя костюмы, шитые на заказ, и светлые рубашки – так они ходили каждый день на работу, если не считать галстуков и застегнутых пуговиц. Девушки одеты были в платья немецких модельеров, с широким вырезом, так что легкий шелк, будто случайно соскальзывая с костлявых плечиков, обнажал их ключицы, а мне сразу вспоминался остов жареной курицы. Подол, как правило, – не

унимался Прейзинг, – заканчивался высоко над коленками, почти у всех острыми, но зато покрытыми нежным солнечным загаром.

Пиппа – она выглядела обворожительно в льняном платье без рукавов, удачно повторяющем цвет ее глаз и выразительно контрастирующем с сединой ее волос, – представила меня чудной супружеской чете Ибботсонов, и с ними я в тени большого зонта, чуть в стороне от суеты, вступил в оживленную беседу про Ливерпуль, причем Мери Ибботсон пила много «Перрье» и мало говорила, а муж ее, молчаливый профсоюзный деятель старой школы, наконец доведенный жарой, потихонечку прихлебывал шампанское-розе и уговаривал бледную свою супругу отведать креветок-темпура, заботливо очищенных им от пикантного соуса. Со здоровым прагматизмом, типичным для рабочего класса, он заверял, что это, дескать, просто *Fish & Chips*, рыба с картошкой, но только без картошки. И наконец, мне выпала честь познакомиться с Марком, который под ликование друзей появился у бара возле бассейна в темном костюме и рубашке с непринужденно распахнутым воротом. Увы, мало он взял от приятной внешности Пиппы, зато много от долговязой, непривлекательной в своей худобе, пуританской фигуры отца. Тем не менее, признаюсь, он показался мне обаятельным и безупречно вежливым молодым человеком, я с первого взгляда разглядел, сколь многое сделано Пиппой во всех отношениях правильно, сколь многое он унаследовал от приветливого ее существа. Данное наблюдение побудило меня высказаться в том смысле, что и мерка снята правильно, и строгание удалось, при этом Санфорд, не посвященный в наши темы, иронически поднял брови, но на сей раз я намеренно оставил это без внимания.

Я всячески благодарил Марка за любезное приглашение, а он, похоже, обрадовался, что мать с отцом нашли в моем лице интересного собеседника, ведь, как он догадывался, с родителями Келли отношения у них не сложились. Впрочем, все заинтересованные лица клятвенно уверяли, будто дело лишь в слабом желудке бедной Мери Ибботсон и, как тем вечером попозже мне сообщила Келли, в недостаточной способности ее отца к потоотделению, в этом смысле приравнивающей его, по словам Келли, к грызунам. А известно ли тебе, – поинтересовался Прейзинг, – что грызуны не потеют, и свиньи тоже нет, а у большинства хищников потеют только подушечки лап? Зато уж верблюды! Верблюды обладают несметным числом потовых желез, этот факт для меня поразителен, ибо я всегда думал, будто они заполняются водой наподобие мешков и умеют расходовать свои запасы лишь в случае необходимости.

– Нет, – ответил я, – не знал я этого, а теперь вот знаю, но неужели подробности потоотделения у различных млекопитающих что-либо добавляют к твоей истории?

– Нет, – признал Прейзинг.

Однако речь-де идет о примечательных и даже поразительных фактах, к тому же верблюды в его истории выступают в качестве лейтмотива.

И действительно, скоро на сцене снова пришлось появиться верблюду. После аперитива с шампанским гости двинулись в наступающих сумерках через пальмовую рощу на небольшую поляну, где по образцу Карфагена из грубо обтесанных камней и обломков цементных колонн возвели руины амфитеатра, включая небольшую сцену, там для гостей отеля время от времени устраивали фольклорные представления. Мощные юпитеры цветными лучами с земли освещали стволы и раскидистые кроны пальм, окаймлявших поляну. Проекторы, целой батареей прикрепленные над сценой к забранной в гипс траверсе, бросали яркие световые пятна и на саму сцену, и на полукруг зрителей. Металлические жаровни, отбрасывая неверные тени, дополняли иллюминацию, ради которой из Туниса был вызван специалист, успевший, впрочем, жутко поцапаться со знаменитой бирманской флористкой из Антверпена, когда та пыталась нарушить его цветовую концепцию заявлением, что лило-

вые фильтры будто бы не сочетаются с нежной розовой альстромерией. Дженни, любительница немецких спортивных авто, подружка невесты и организатор церемонии, рассаживала гостей по местам на каменных ступенях и на приставных стульях под белыми льняными чехлами. Приглушенно звучали таинственные барабаны и бубны с диска под названием *Winds of the Desert*¹⁶, который Дженни переписала у своего частного тренера по пилатесу.

Квики выступал церемониймейстером. Выкатив грудь, он забрался на сцену, тигриной поступью смерил ее раз и другой, а после того раскинул руки и поприветствовал гостей на торжественном бракосочетании Келли Ибботсон и Марка Раджани Грейлинга. Затем он попросил на сцену Марка, а тот, к удивлению Прейзинга, снял ботинки с носками и стоял теперь, несколько растерянный, в темно-синем костюме и босиком меж гипсовых колонн. Дженни включила музыку погромче. На заднем плане во тьме пальмовой рощи вдруг нарисовался высоченный силуэт верблюда. На этом великолепно наряженном верблюде по-турецки восседала Келли, опять-таки босая, и пыталась, невзирая на болтанку и качку, изобразить из себя горделивую, но вместе с тем и обольстительную невесту.

Дженни заставила погонщика, который вел верблюда под уздцы, сменить майку Руни, номер 8, на костюм, который сшила в тщетной надежде получить приглашение на свадьбу одна практикантка из операционного зала, руководствуясь фотографиями наездников-туарегов в каталоге туристической фирмы. Дженни была довольна. Скромненькое белое платье Келли великолепно смотрелось рядом с тканью цвета индиго – тот самый эффект, какого она добивалась и какой с самого начала заставил ее отместить за несущественностью замечание практикантки о том, что в Тунисе никаких туарегов нет.

Лжевоин пустыни, у которого обзор был ограничен непривычным платком на голове, при попытке завести верблюда по двум ступенькам на сцену споткнулся, запутавшись в собственном подоле цвета индиго, и напугал верблюда так, что тот отказывался сделать хотя бы шаг, и уж тем более он не желал опуститься на колени обычным своим манером, чтобы позволить невесте с достоинством сойти с корабля пустыни. Погонщик уговаривал животное, все нетерпеливее дергал за уздечку, а Квики принялся бить верблюда ногой под колени. Келли положила конец недостойному зрелищу, храбро спрыгнув с высокого горба прямо в объятия стоявшего наготове жениха, и минутная эта сценка, пусть и не запланированная, но чрезвычайно романтическая, заставила даже Кеннета Ибботсона взметнуть руки и взреветь: «Bring her home, son!»¹⁷

Квики разразился длинной речью, но я почти ничего не понял. Однако последнее, – рассуждал Прейзинг, – меня вовсе не удивило, поскольку в точности этот дискурс мне известен по консалтинговым презентациям, на которые наша фирма по требованию Продановича тратит немалые деньги, хотя я всегда с трудом их воспринимаю. Квики упоминал слияния и поглощения, ситуации «выигрыш – выигрыш», прибыль и бонус, работу в команде и инвестиции в будущее. Красноречивым дополнением стали бодрящая военная метафорика и расхожие сентенции восточных мудрецов. Мужество и решимость, инь и ян, воля и смирение, сила текущей воды, мудрость камней.

Затем ближайшие друзья брачующихся зачитали патетически сформулированные пожелания, в них немало говорилось о здоровье и счастье, однако и владение недвижимостью, и ведущие позиции в Сингапуре играли немаловажную роль; далее они предали записочки со своими пожеланиями огню. Квики объявил молодую пару мужем и женой. Они поцеловались. Обменялись кольцами. За этим последовал еще один обряд: все мы взяли за руки и кольцом окружили новобрачных. Ты знаешь, как я не люблю подобные вещи. Мы им что-то кричали, я уж позабыл что именно, зато мне запомнилась сухая ладонь какого-

¹⁶ «Ветры пустыни» (англ.).

¹⁷ Давай-ка с ней домой, сынок! (англ.).

то молодого человека, он вопил чудовищно, и крохотная ручка одной крохотной норвежки, она сколотила состояние благодаря колебаниям цен на зерно, а на моих пальцах оставила легкий аромат календулы и авокадо. Длилось все это довольно долго, мне показалось, что даже Мери Ибботсон обрадовалась, когда мы наконец проследовали к столу.

– Повар, молодой и неистовый уроженец Каринтии, учился в Токио и Сиднее...

Такими словами Прейзинг попытался было начать описание ужина, но я тотчас перебил его, потому что на свежем воздухе нагулял аппетит и не жаждал подробного отчета о переменах блюд. К тому же я примерно могу себе представить, какими яствами потчевал молодой и неистовый уроженец Каринтии, обученный в Токио и Сиднее, гостей тунисского resort-отеля на английской свадьбе, где деньги значения не имели – или, наоборот, имели решающее значение. Луизианские раковые шейки в желе из зеленого чая и кускус с финиками; пахлава на акациевом меду; белые трюфеля из Альбы; фуа-гра и тасманские орехи макадамия или тафель шпиц из японской говядины вагю и бататовый рёсти; прочие подобные международные деликатесы. Прейзинг, видимо, расстроился, но пожелание мое исполнил, уж как смог.

– Ладно, – ответил он, – ужин я пропускаю. Ужин был, ну да, как бы это сказать... безудержный, вот точное слово. Кушанья со всего мира. Только деликатесы. Только необычайное. Ну, в подробности вдаваться не буду. И подавали великолепно. Однако я предпочитаю бургерскую кухню, хотя и в лучшем смысле слова, даже можно сказать – кухню буржуа, а не бургера. А вино, скажу я тебе, вино... Ну, да ты не хочешь слушать, – перебил он сам себя, предварительно бросив в мою сторону испытующий взгляд. – Так вот, – продолжил он, – я оказался за круглым столом в конце зала вместе с пятью молодыми людьми, не входившими в круг приближенных. Место несколько в стороне от центральных событий, но я этим, разумеется, удовлетворился, ведь я почти чужак, степень моего знакомства с родителями жениха иначе как порой первого цветения не назовешь, – место это, с одной стороны, имело преимущество, ведь мы сидели так далеко, как только возможно, от сцены, где группа музыкантов на электроинструментах исполняла танго, вполне сгодившееся бы для дискотеки, и я все-таки мог сосредоточиться на оживленной беседе с молодыми людьми, но, с другой стороны, я оказался буквально на обочине истории, когда перед десертом – фисташковое семифредо с померанцевым повидлом, к нему крепкий сотерн – Пиппа, собравшись с духом, поднялась на сцену и до того прекрасно «затрещала каштанами», что после двух-трех строк в ее исполнении зал охватила благоговейная тишина и на лицах всех окружающих отобразилось волнение. Пиппа держалась великолепно. Целую вечность мог бы слушать я ее с закрытыми глазами, и лишь аплодисменты, точнее – буря аплодисментов, разразившаяся следом за выступлением, внезапно заставила меня вернуться издалече...

Буря аплодисментов носила характер инстинктивной попытки замещения, психологической потребности нарушить то самое воцарившееся молчание, принятое Прейзингом за благоговейную тишину.

Хотя все начиналось многообещающе. Пиппа сидела за одним столом с мужем, с четой Ибботсонов, с новобрачными и со свидетелями, это были Дженни и Роб, молодой человек все из тех же финансовых сфер, с ним Марк много лет разделял жилье, пока они с Келли не подарили себе на тридцатилетие домик в Бернсбери. Дженни, довольная тем, что церемония прошла почти без запинок, развлекала общество долгим рассказом про технические несовершенства, обнаруженные ею на новом рабочем месте в только что отстроенном центральном офисе крупного банка: попытка заранее отвоевать ему место в ряду архитектурных символов лондонского Сити привела к поискам необходимых для закладки в проект малых различий, что выразилось главным образом в необычном, выходящем за пределы возмож-

ного соотношении статики и динамики, а это, в свою очередь, обусловило необъяснимые феномены в поведении воздушных потоков. При определенных погодных условиях револьверные двери на главном входе, невзирая на автоматику, начинают жить своей жизнью и крутятся все быстрее и быстрее. Если задует восточный ветер и одновременно понизится давление, то не войдешь и не выйдешь, доступны только аварийные выходы в узкий грязный переулок, короче, вращающиеся двери заменили раздвижными. Но все равно, по словам Дженни, бывают дни, когда покинуть здание удастся лишь между двумя порывами ветра, поэтому в обеденный перерыв сотрудники банка кучкуются в холле перед дверью, чтобы в нужный момент ринуться вон, в панике чуть ли не сбивая друг друга с ног. А в сильный дождь, бывает, двери откроются, и грязные пенные волны с улицы заливают зеленый мрамор холла, забрызгивают монументальное панно Герхарда Рихтера, выполненное в уникальной технике – ракемем, его уже пришлось за большие деньги отреставрировать и прикрыть гигантским антибликовым стеклом.

Тем самым они вышли на благодатную тему, не ведающую классовых и возрастных различий. Про современную архитектуру с ее полным отсутствием функциональности каждому за столом нашлось бы что сообщить, кроме, пожалуй, Мери Ибботсон, ведь она об архитектуре никогда не задумывалась. А так – даже муж ее оживился и всем рассказал, какие неудобные писсуары установили на новом стадионе его футбольной команды.

В приподнятом настроении, уверенная в себе, разгоряченная алкоголем и все еще помня ободряющие слова Прейзинга, сделала Пиппа знак музыкантам и целеустремленно направилась к сцене. Встала перед микрофоном, спокойно подождала, пока совсем умолкнут разговоры, и ровным голосом, не заглядывая в рукописный листок в левой руке, начала читать стихи. Она сразу завоевала безраздельное внимание слушателей. Как щенки нацеливаются на смачную косточку, как верующие упиваются мудростью из уст проповедника, так смотрели они на Пиппу. Благодаря силе поэзии, как решила она, ибо не ведала, что эти молодые люди специально обучены слушать тех, кто уверен в себе и знает, что сказать миру. Директоров банка с сообщением о плановой прибыли, лидеров команд с их присягой лозунгу дня, инвестиционных гуру в наушниках с их рецептами успеха, невзначай подкупными аудитории, профессоров с разъяснением их математических моделей, тренеров для персонала с их призывами к выдержке и советами насчет бодрости тела и духа. И неважно – кто, и неважно – что, важна лишь манера держаться у того, который сейчас говорит. Самоуверенность, включенность, настойчивость, победительная улыбка и хороший костюм тоже не помешают. Тогда они готовы слушать и бурно аплодировать. Даже если им преподнесли стихи старого битника-буддиста, основателя глубинной экологии. Даже тогда.

Но вдруг Пиппа потеряла над ними контроль, потому что на миг она утратила уверенность в себе. Трудно сказать, что послужило тому причиной. Может, даже и Санфорд. Бывают такие мгновения, когда вдруг увидишь ближайшего своего спутника с другой точки обзора – и он вдруг покажется тебе совершенно чужим. Шея тощая, кадык дергается, и вдруг оказывается, что ты и сам себе чужой. Всего-то доля секунды.

Мигом на лицах отобразилось страдальческое нетерпение. Волной прокатилось оно по залу, да так явно, что задело и Пиппу, столкнуло ее вниз по той спирали, из витков которой ей суждено будет выбраться лишь через два года, когда с площадки входной лестницы в английской гимназии, на новой работе, она увидит внизу молодого практиканта, небрежно прислонившегося к ее «тойоте-приус», руки в карманах свитера с капюшоном, и поймет, что лучше бы этой любви не жить, но откроет ему дверцу автомобиля. Той спирали, чьи первые витки сопровождались вращением светофильтров, включенных то ли злым духом электричества, то ли дружелюбным служащим отеля и вдруг превративших теплый свет, в котором сияли ее короткие седые волосы и легкие золотистые отсветы ложились на ее щеки, в мертвенно-синий, погасив весь блеск. Той спирали, что ускорила вращение вниз,

когда Пиппа стала запинаться и искать на листочке слова, написанные кобальтово-синими чернилами. Когда строчки, выведенные ее ровным и округлым учительским почерком, никак не захотели обрести резкость, хотя она и попыталась отвести руку с листком как можно дальше. Той спирали, что пошла неудержимо закручиваться вниз, когда Кеннет Ибботсон вдруг вскочил и поспешил на помощь Пиппе со складными очками для чтения, купленными в мини-маркете на углу улицы в ливерпульском предместье, тем самым дав еще один толчок стремительному падению. Пиппа, в синеватом освещении бледная, оцепенелая, в очочках Кеннета Ибботсона теперь уже похожая на старую деву, все быстрее «трещала каштанами», но стихотворение не кончалось и не кончалось. Ужас, парализующий ужас.

Даже раздевшись догола и выставив напоказ растяжки после беременности, дряблый живот и лобок с редкими седыми волосками, она не смогла бы оголиться больше, чем сейчас, когда лишилась уверенности в себе. Утраченная ею внутренняя независимость в том мертвенно-синем свете обернулась непристойностью и испортила праздник тем, кто уверен в себе.

Пиппа все-таки сделала свое дело – строчка за строчкой, слово за словом. И поспешила прочь со сцены под спасительные аплодисменты, настигавшие ее ударами плети. Ударами плети, которые она заслужила тем, что согрешила против верности самой себе и подвергла гостей на свадьбе испытанию этим зрелищем.

От столика в конце зала Прейзинг вполне мог бы все разглядеть, если бы хотел видеть то, что есть, а не то, что ему хочется. Но он лишь вторил тому, что позже назвал бурей аплодисментов.

Однако дар наблюдения подводил Прейзинга не всегда. Он верно подметил, что праздник в дальнейшем его течении немногим отличался от всех других свадеб, на которых ему довелось побывать. Много болтали, много пили, много танцевали. Правда, Прейзингу бросилось в глаза следующее: всё – ровно на грани пристойности, как обычно и бывает, но с удивительно ясным осознанием происходящего. Пили до потери рассудка и облегчались рвотой в пальмовой роще, как будто отрабатывая какую-то схему. Так просто, между делом, совали друг другу язычок в рот, и это Прейзинг отметил с возмущением. Танцевали без меры чувственно и без меры стильно, похотывали коротко и иронично.

Вскоре он в баре возле бассейна присоединился к мужской компании, где Квики выступал заводилой, и не возражал, когда тот предлагал ему охлажденную до вязкости французскую водку – по одной рюмочке, по другой. Санфорд проводил этнологическое исследование по методу «включенного наблюдения» Бронислава Малиновского, исполняя нечто вроде танца аборигенов вокруг Дженни. Прейзинг обратил внимание, до чего Дженни гибкая, до чего она упругая и безупречно гладкая, будто целиком выполнена из какого-то незнакомого и превосходного материала. Он отметил это скорее с удивлением, нежели с интересом.

Пиппа и Ибботсоны вскоре ушли. Прейзинг попытался произвести впечатление на каких-то молодых людей, блеснув рецептом жареного верблюда, услышанным от Санфорда, в ответ две дамочки стали обращаться к нему не иначе как «мистер Мунго Парк». Правда, он не мог взять в толк почему. Зато завязал разговор с Квики; тот, чтобы не качаться, опирался на плечо раскрасневшегося юнца, который свою роль подставки выполнял с блаженной улыбкой, явно принимая за особое поощрение. Беседуя с Квики, Прейзинг наблюдал удивительный и необъяснимый феномен. Тот едва ворочал языком, поливая Прейзинга, тесно прижатого к стене, мелкими брызгами слюны. Но такие названия, как Умм-Каср, Эн-Насирия или Эр-Румайта, он выговаривал ясно и четко. Произносил, как заветные слова. Это – те места, где он служил в Ираке. Сначала в батальоне спецназа международных коалиционных сил, потом – там ведь платили *«way better»*, на порядок лучше, как он не уставал повторять, – в частной охранной фирме, которую без обиняков называл вонючим отрядом наемников.

Еще поделился целым рядом солдатских баек, но Прейзинг все-таки надеялся, что они либо выдумка, либо немыслимое преувеличение. Но как не поверить рассказу Квики, что от наемнической службы до устройства на работу в операционный зал банка путь оказался недалек, когда уже Квики, как он выразился, совсем обрыдли и вонючий песок, и дерьмовые носители сандалий. «Спросите про имя, спросите, почему его зовут Квики!» – подбивал Прейзинга красноречивый юнец. Прейзинг сделал, как велели, и Квики поднес правую руку к его лицу, согнув указательный палец, будто спуская курок. «Вот почему, – пробухтел он, – quick trigger finger¹⁸. Вот почему меня все хотят – и армия, и банк». И рассмеялся блеклущим смехом. На заднем плане упругая Дженни исполняла свой танец.

Ветер шумел в верхушках пальм, когда Прейзинг возвращался к себе в шатер. Обрывки смеха и музыки звучали у него в ушах, когда он рухнул на кровать в одних трусах, да еще в носках. Костюм плантатора комком валялся на берберском ковре. Прейзинг поднял руку, прицелился из воображаемого пистолета в ту точку наверху, где сходились крепежные дуги шатра, и согнул указательный палец, но тут же опустил руку на грудь, чувствуя боль в пищеводе, и провалился в глубокий сон без сновидений.

¹⁸ Быстрый указательный палец, быстрый спусковой крючок (англ.).

VI

Пока Прейзинг спал, Англия шла ко дну. Первые симптомы появились накануне, за ночь положение дел ухудшилось. Межбанковский валютный рынок в империи уже прекратил свою деятельность. В Лондоне еще стояла глубокая ночь, а страны, где рынки были открыты, сбывали свои запасы английских фунтов на отчаянно невыгодных условиях, и кабинет министров во главе с премьером, заседая до раннего утра на Даунинг-стрит, наблюдал за историческим полетом со снижением, который молниеносно перешел в пике, когда в девять утра местного времени открылась Лондонская фондовая биржа, где в этот день торги вообще не следовало начинать. Но пока не было договоренности, кто возьмет на себя ответственность за эдакую напасть, не хотелось вселять неуверенность в европейских и заокеанских друзей; промедление это обернулось фатальными последствиями, так как программы, самостоятельно проводившие или же не проводившие основную часть транзакций и, как оказалось, вовсе не рассчитанные на подобный случай, благо дотоле он не представлялся возможным, вошли в петлю обратной связи и принялись подталкивать друг друга к повышению показателей, уничтожив миллиарды за те считанные минуты, когда никто еще не успел вмешаться. В пять минут десятого по лондонскому времени торги остановили. Тогда же английский министр финансов выступил первым с сообщением о том, что и так было очевидно: в данных обстоятельствах страна на долгий срок лишается возможности отрабатывать свой чудовищный государственный долг. Марк и Келли спали в бедуинском шатре, у них часы показывали пять минут одиннадцатого. В этот момент счет за свадьбу, выставленный в тунисских динарах, превысил в английских фунтах стоимость их лондонского домика, пока еще на восемьдесят процентов принадлежавшего банку, тому самому банку, чьи представители как раз объявили о банкротстве и сочинили электронное письмо к сотрудникам с предложением уже сегодня прихватить на рабочее место пустые картонные коробки.

Когда английский премьер-министр обратился к прессе с заявлением о государственном банкротстве, Саида уже несколько часов была на ногах и вместе со своими работниками, не спавшими всю ночь, приводила в порядок отель-люкс. Они выбирали бутылки и битые стаканы из цветочных клумб, лопатой сгребали в тачку рвотные массы, еще Саида заставила Рашида залезть в бассейн, чтобы выудить оттуда садовый шезлонг и разбудить Вилли, брата Келли, который дрейфовал в своем желтом плавательном круге, запрокинув голову.

В то самое время, когда министры финансов европейских стран собрались на телеконференцию, довольно-таки паническую и хаотичную, у Саиды нашлась наконец минутка, чтобы проверить подготовку шведского стола, с чашкой кофе уединиться в своем кабинете и, по сложившейся привычке, ознакомиться с международным положением, изучив электронную версию газеты *Tribune de Genève*, заодно и в надежде найти в сводке новостей муниципальной политики Женевы упоминание имени того члена городского совета, коммуниста, к кому она испытывала со времен учебы в Школе гостиничного менеджмента одностороннее, то есть неразделенное, чувство.

Но сегодня до этого не дошло. Испытав короткое потрясение и перепроверив важнейшие факты на сайтах *BBC* и *CNN*, она схватила калькулятор, подсчитала стоимость свадьбы, включая проживание семидесяти двух гостей, и вышла на сумму приблизительно в шестьсот тысяч динаров, что – это уж она посчитала в уме – еще несколько часов назад равнялось четверти миллиона фунтов. Сняла трубку и позвонила в Тунис, дав указание бухгалтерии в отцовском офисе списать с кредитных карт молодоженов абсурдную сумму в миллион двести пятьдесят тысяч британских фунтов – сумму, которая едва ли покрывалась, это уж ясно, обеими их блестящими черными карточками, но Саида надеялась хотя бы исчерпать

кредитный лимит. Затем она поспешила в кухню и распорядилась остановить подготовку к завтраку, а также убрать из зала всю еду, кроме корзинки с лепешками и миски хумуса.

Саида не удивилась, когда из Туниса пришло сообщение, что обе карточки уже заблокированы; ей также не удалось добраться до средств на кредитных картах других гостей, которые в баре поили всех налево и направо, оставляя номера карточек. Похоже, на тот час были заблокированы все карты, выданные английскими банками, но ведь рушилась и вся международная система расчетов.

Слим Малук, как сообщила отцовская секретарша, недоступен, в том числе и для дочери. Саида в очередной раз прокляла ту квартирку в новостройке среднего класса на краю Туниса, о которой ей знать не полагалось, но в которой, она полагала, отец и находится. Что ж, в ближайшие часы ей придется рассчитывать только на себя. Пора действовать.

Санфорд проснулся от настырного трезвона колокольчика и сначала не понял, где находится, потом заметил отсутствие жены, потом очень долго выпутывал тощие свои ноги из простыни и брюзжал в поисках халата. Саида не отпускала язычок латунного колокольчика – таким способом персонал оповещал о приходе, что, кстати, было одним из множества недостатков палаточного городка в резорт-отеле, ведь полотнище не дверь, в него не постучишь, – и напряженно прислушивалась к признакам жизни внутри, а услышав шаркающие шаги англичанина, разгладила рукой брюки и для верности поправила фалды пиджака, готовясь ко встрече с отцом жениха, который избран был ею партнером для переговоров в щекотливой ситуации, чтобы сообщить ему как о том, что премьер-министр у него на родине объявил государство банкротом, так и о том, что его сын по причине стремительного падения британского фунта задолжал отелю такую-то сумму – она назвала цифры, для Санфорда совершенно фантастические, хотя он, как и все, за последние три года привык к большим числам, – и оплатить этот счет будет мучительно трудно. Увы, она считает своим долгом сообщить также, что карточки английских банков, судя по всему, заблокированы, надо полагать – и его собственная тоже, но нет ли у них с сыном где-нибудь счетов в другой валюте, сейчас бы они оченьгодились, смягчив неизбежные, к ее глубокому сожалению, неприятности.

Санфорд, облаченный в просторный махровый халат и бирюзовые домашние туфли из козьей кожи, внутренне тотчас занял боевую позицию. Он давно знал, что этим кончится. Он готов. Он давно говорил. Он нисколько не удивляется. Впрочем, его все-таки изумили те непосредственные последствия, о которых нехотя – ведь она уже не скрывала своих корыстных интересов под благолепным покровом гостеприимства, – но очень твердо предупредила его Саида.

Поставила его перед выбором: либо они совместными силами немедленно и с подтверждением оплачивают счет, например, удобная возможность – перевод в швейцарских франках на счет семьи Малук в Женеве, и в этом случае можно даже обсудить возможность существенной скидки, либо она вынуждена настаивать на том, чтобы вся группа покинула отель не позднее двух часов пополудни. Скромный завтрак для них накрыт, в остальном же она обязана проследить, чтобы до прояснения неприятной ситуации не возникали новые расходы, и, таким образом, все услуги отеля, спа-комплекс, теннисные корты, бассейн отныне им недоступны, как и, разумеется, гастрономические заведения, а также она просит свести потребление электроэнергии и расход воды до необходимого минимума.

Тут до Санфорда дошло, что к новому положению дел он совершенно не подготовлен и никакого значения не имеет, о чем он там давно говорил. Но именно те же слова он повторил своей жене, которая с самого рассвета сидела на излюбленном своем месте в мрачнейшем настроении и, против обыкновения, никак не могла сосредоточиться на чтении и пораздоваться впечатляющему восходу солнца и поднимающемуся столбику термометра. Пиппа смиренно приняла к сведению дурное известие, заметив, что знала обо всем этом заранее.

Но ведь неизвестно, грянут ли перемены в мире, станут ли оттого некоторые вещи – как, например, чтение стихов вслух – более значительными. Она отказалась сопровождать мужа на трудном пути к новобрачным, которым следовало сообщить о постигшей их катастрофе и грозящей безработице, потому что место ее в эту минуту здесь, под нещадно палящим солнцем Африки, здесь она и останется, чтобы прояснить для себя некоторые вещи, не имеющие совсем, ну, совсем никакого отношения к колебаниям курса и рынка. В других обстоятельствах Санфорд, возможно, и удивился бы ее патетическому тону, но тут ему ничего не оставалось, кроме как небритым Меркурием в спортивных сандалиях отправиться к сыну с вестью о том, чего он и сам пока не понимал в полном масштабе.

– Я стоял, – рассказывал дальше Прейзинг, – возле шатра, в купальном костюме, с полотенцем под мышкой, собираясь поплавать перед завтраком, а мимо – Санфорд, целеустремленно, видимо, торопясь в шатер-съют к Марку и Келли. «Бассейн закрыт! – крикнул он мне через плечо. – И в душе долго не мойтесь!» Он не мог знать, а сам я тогда вообще ничего не знал, что новый распорядок, установленный Саидой, на меня не распространяется. Предположив, что бассейном нельзя пользоваться вследствие вчерашнего бурного празднества, я оделся, пошел прямо на завтрак и тут же оказался в странной и неловой ситуации. Против ожиданий я не увидел в ресторанном зале роскошного, как всегда, шведского стола: вместо пышных фруктовых корзин, кувшинов со свежавыжатыми соками, охлажденных блюд с французским сыром, ростбифом, испанской ветчиной, вместо этажерок с пирожными и досок с хлебом, обернутым белой салфеткой, на длинном столе стояли лишь корзинка с лепешками, миска горохового пюре и два-три термоса кофе, а единственный официант как раз собирал неиспользованные фарфоровые тарелки и серебряные приборы да снимал, широко взмахивая руками, камчатные скатерти с пластмассовых столиков. Саида не позабыла, хотя уж, наверное, были у нее дела и поважнее, отдать распоряжение, чтобы мне в конце зала накрыли небольшой столик, и тот буквально ломился от яств. Невзирая на то, – говорил Прейзинг, – что я вовсе ничего не знал об изменениях в мире и о непосредственном значении таковых для нашего маленького оазиса, а следовательно, не мог и верно оценить смысл произошедших перемен, я не испытывал никакого желания занять место за этим столиком и уж собрался было ретироваться, как вдруг меня заметил официант и повел, беспрестанно что-то приговаривая и удерживая в руках гору камчатных скатертей, прямо к этому столику, действительно накрытому для меня одного.

Вскоре появилась Саида, принесла мне кофе с молоком, плохие новости и несколько распечаток из интернет-версии *Figaro*, ведь сайты *Times* и *Financial Times* уже теперь были пугающе недоступны. Не стану утверждать, что я был потрясен, я всегда знал, что однажды такое произойдет – может, и не так быстро, фактически за одну ночь, но я и ранее не сомневался: это лишь дело времени.

Саида сообщила мне, что уже распорядилась о трансфере в аэропорт, ведь на родине мне несомненно предстоит принять ряд судьбоносных решений. Правда, пока еще не известно, когда подадут машину. Затем она оставила меня наедине с завтраком, но, как ты понимаешь, вкус его меня не радовал.

Между тем зал постепенно стал заполняться взволнованными молодыми людьми; ужасное известие быстро передавалось из уст в уста, но еще, что называется, до них не дошло. Глядя на телефонные экраны, они наперебой зачитывали новости, не верили и в ответ громко возмущались, требовали подать им свежие газеты и обеспечить нормальный доступ в Интернет, принялись ругаться с обслугой из-за скупого завтрака, не забывая, впрочем, прихватить про запас треугольный кусок лепешки и ложку хумуса, потому что втайне каждый из них уже понял, что наступили другие времена. Я ушел потихоньку, чтобы не показаться невежливым. Позади два официанта не подпускали выпускника Тринити-колледжа, анали-

тика хедж-фонда, к оставленной мной тарелке с мясным ассорти, на которую тот нацелился. Я подозревал, что дело дойдет и до других неприглядных сцен.

Итак, Прейзинг мне хотел представить вариант рассказа о том, «где я находился, когда Англия объявила о банкротстве», этот жанр сменил рассказ на тему, «чем я занимался 11 сентября»: каждый вспоминает ту минуту, когда впервые – а потом ведь еще сотни раз – увидел на телеэкране самолет, врезающийся в одну из башен, или вот премьер-министра с невинным по-детски лицом, в голубом шелковом галстуке, что и теперь мне помнится неуместно оптимистичным и фривольным, премьер-министра, который начал речь со слов: «Thirteenhundredfortyfive, when King Edward the Third told his florentin bankers...»¹⁹ – иконографически картинка далеко не такая сильная, но также отпечатавшаяся в коллективной памяти.

Перед маленьким телевизором в комнате заседаний экспедиционного агентства в Байройте, где собрались все сотрудники, и перед плоским экраном в кафетерии Люцернского университета – таковы мои ответы. А у Прейзинга: дома, в кухне, у телевизора экономки – самолеты и башни, а премьер-министр – в прохладном бедуинском шатре, где «я уединился, чтобы отдохнуть от накаленной атмосферы ресторанный зала и составить представление о происходящем, переключаясь с одного спутникового канала на другой». Но на любом – сплошь взволнованные лица. Ведущие спецвыпусков новостей, наскоро припудренные комментаторы, вспотевшие эксперты. Говорили об угрозе тотального пожара, об эпидемии. Как ты знаешь, и то и другое распространилось вовсе не в тех масштабах, что предрекали нам телестудии и специальные выпуски мировой прессы.

Очень скоро мне опостылела вся эта терминология. Эксперты козыряли друг перед другом – кто безальтернативностью, кто неотвратимостью мер, которые предлагалось принять. Авгуры поочередно возвещали то о всеохватном мировом пожаре, то о великом катарсисе. Политики, в зависимости от задач партии, объявляли о крахе неолиберализма, ордолиберализма, рыночной экономики в целом, финансового рынка в частности, социального государства, а некоторые – заодно и демократии. Наконец я зацепился за один новостной канал, посреди всеобщего пустословия запустивший передачу в единственно подходящем, на мой взгляд, формате и с красноречивым названием *No Comment*: с одной точки, общим планом, снимали происходящее на оживленном перекрестке в лондонском Сити. В левой части экрана громоздилось облицованное зеленым зеркальным стеклом здание, которое какими-то непонятными конвульсивными движениями, будто мучимое приступами надрывного архитектурного кашля, через неравные промежутки времени выплевывало целыми группами молодых людей, нагруженных картонками, а в них фоторамочки, трофейные кубки, цветы в горшках, и те, отчаянно сопротивляясь резким порывам ветра и едва не сбивая друг друга с ног, выскакивали под дождь, прямо в объятия возмущенно размахивающей зонтиками и самодельными транспарантами толпы, явно готовой возложить вину за несчастье на эти жалкие плевочки мокроты.

Прейзинг, непривычно утомленный после той ночи, под это гротескное и чрезвычайно ему неприятное зрелище снова заснул и потому не мог описать развитие дальнейших событий в отеле.

А там в зале ресторана открылось кризисное заседание, причем Санфорду естественным образом досталась ведущая роль, ведь почти все присутствующие до выступления на сцене Сити учились в лучших университетах мира и теперь, когда занавес упал, вспомнили годы, проведенные у груди *альма-матер*, и выбрали себе в вожди того, кто посвящен в выс-

¹⁹ В 1345 году, когда король Эдуард III объявил флорентийским банкирам... (англ.).

ший академический сан. Санфорд не упустил случая мигом превратить ресторан в аудиторию и прочитать лекцию об альтернативных вариантах, освещая главным образом те две возможности, какие предлагала ему Саида, однако донося их до слушателей не столь сухо и однозначно. Тем не менее зал взорвался негодованием, и лишь благодаря красноречивым призывам к спокойствию и благоразумию, – впрочем, не исключено, что также и благодаря головной боли с похмелья, которой мучились большинство присутствующих, – не прозвучало первое заявление о правах, то есть не состоялся наметившийся было штурм кухни. Фатальным образом пресечение этой акции, способной сплотить ряды, имело следствием то, что призыв Санфорда к единству и солидарности в трудный час не нашел отклика, и, как только на телефоны стали приходить первые мейлы об увольнении, коллектив раскололся на мелкие ячейки, отныне искавшие разные пути и способы справиться с крушением их мира.

Вилли и Квики, оба обладавшие безошибочным чутьем на социальные барьеры, сразу сообразили, что те рухнули, и вступили в роковой мезальянс. Единодушно они придерживались мнения, что к этому делу надо подойти спокойно, а именно: обосноваться у бассейна, глотнуть пивка, а то и прыгнуть в холодную воду, чтобы преодолеть последствия вчерашней ночи. Да, а уж потом, на свежую голову, забеспокоиться. Санфорд предупреждал, что относительно бассейна Саида высказалась недвусмысленно, но на это внимания не обратили, так что к Вилли и Квики присоединился отряд из тридцати голов. На самом-то деле проведение в жизнь запрета на купание Саиде подкрепить было почти нечем. Рашид, имевший на вооружении лишь сачок, а по флангам – ласковую собаку да неуклюжих ее щенков, получил к исполнению приказ не допускать в бассейн и на пляжные лежаки никого, кроме Преизинга, но перед лицом превосходящих сил противника он благоразумно отказался от прямого сопротивления, а после краткого словесного поединка по-над бассейном, сверкающим на солнце, когда Квики прибежал к тому лающему арабскому, что освоил в Басре и Умм-Касре, Рашид отступил в близлежащую пальмовую рощу и принялся было постреливать оттуда зелеными финиками, но ни разу не попал в цель.

Тем временем деятельная Саида, глядя вперед, занялась сокращением убытков на период неуклонно приближающихся лишений, то есть рассчитала и на неопределенный срок отправила назад в деревню у дальнего конца оазиса почти весь персонал, наказав припомнить прежние – освоенные до знакомства с семьей Малук – способы выживания, а лучшие времена, дескать, не заставят себя ждать. Покорная прислуга в белоснежных шароварах и кителях цвета бычьей крови, зажав в руках тонюсенькие желтые конверты, потопала по домам, а в баре у бассейна ее отсутствие уже ощутил на себе Вилли, со всей мочи горланя, чтоб дали пива. Но поскольку никто не появился и не ответил на его зов, он шарахнул теннисной ракеткой по стеклу запертого холодильного шкафа для напитков и завоевал популярность среди новых друзей щедрой раздачей бутылок.

Почти синхронно многоголосый звон, писк и треск оповестили о следующей волне увольнений. На этот раз она охватила Квики и почти всю молодежь у бассейна, ведь за ним сюда последовали главным образом те, которые в Сити и так вились вокруг него целыми днями, правда, в составе возглавляемой им команды аналитиков и продавцов, команды, которая своими смелыми и хладнокровными действиями за последние годы принесла банку сотни миллионов, а теперь, когда все рухнуло, наверное, убытки во много крат выше. В то же самое время на *Gracechurch Street*, на шестнадцатом этаже, девушка в темно-синей узкой юбке, та самая практикантка, что сшила костюм туарега в тщетной надежде получить приглашение на свадьбу, лазила под столами в операционном зале и выдергивала, как велели, компьютеры из сети, позволяя растерянными мужчинам в дорогой одежде для досуга и с картонными коробками под мышкой пялиться на ее попку.

Приказы об увольнении оказались последними вестями с родины, достигшими пустыни. Вскоре мобильники отказались служить по назначению, потому что в свете новейших событий руководство тунисского оператора связи сочло взаимодействия по роумингу с английскими телекоммуникационными компаниями высоким риском. Обрыв каналов связи вызвал у отныне безработных разнообразнейшие чувства. Кто утирал слезы с глаз, кто разразился неудержимым истерическим смехом, кто – столь же неудержимой похабной бранью, а вот у одной худенькой брюнетки между лопатками пробежала легкая дрожь, какая в других обстоятельствах даже могла бы показаться прелестной, но то была судорога ужаса, ведь в далекой пустыне ее, считай, живьем закопали в песок. Квики – он скинул всю одежду, кроме мятых штанов, и развалясь отдыхал на лежаке – принял новость спокойно и быстрым движением, не глядя, швырнул в переливчатую синь воды ненужный уже телефон, что привело к первому на тот день кровопролитию, ибо телефон не пошел камнем вниз, а в силу плоской своей формы стал весело скакать по поверхности воды и на третьем или четвертом прыжке настиг в заплыве воспитательницу частного детского сада, до той минуты внешне чуточку напоминавшую Роми Шнайдер, и выбил ей передние зубы.

Оценив сопутствующий ущерб, Квики готовился выступить с речью, но именно в этот миг у бассейна появился бодрый и отдохнувший Преизинг.

– Бог весть с каким трудом пытался я разобраться в этой сцене, она слилась для меня с той сценой на лондонской улице, под которую я задремал, хотя и во сне она продолжала меня преследовать. Впрочем, здесь-то солнце палило нещадно и стояла невыносимая полуденная жара. Все вокруг было залито странным, как будто ртутным светом: резко вырисовывались любые контуры, красивое и уродливое представало глазам с безжалостной ясностью и, главное, неподвижностью, напомнив мне *Tableaux Vivants* – живые картины во время представления Страстей Христовых в Обераммергау. На краю бассейна плакала молодая женщина, и, хотя она прижимала к губам окровавленный платок, я узнал в ней ту самую, что мне и раньше запомнилась разительным сходством с Роми Шнайдер. Две подружки хлопотали вокруг, гладили ее по мокрым волосам, уговаривали, успокаивали. Тем временем на дно бассейна нырял ее будущий жених, брокер, из английских дворян, ошупью пытаясь найти выбитые резцовые зубы; жидкие волосы липли к его вискам.

Подружки бросали сердитые взгляды в сторону Квики, но он и бровью не повел, зато произнес речь, смысл которой сводился к тому, что приближаются великие времена, и уж в одном он уверен – по всем признакам будет война, война неизбежна, а уж когда начнется, надо вновь взять в руки оружие, в крайнем случае – под знаменами Ее Величества, но еще лучше – частной охранной фирмы, а тут никому беспокоиться не надо, он всем им знает цену, он готов выступить с ними в поход, со всеми до единого. Когда требуют обстоятельства, надо выйти из операционного зала в узкие переулки Басры, на нефтепромыслы Эль-Курны, а если хотите знать его мнение – так пройти и по лесам Фландрии, и по улицам Берлина! Мы команда – раз и навсегда! Этим боевым кличем завершил он свою речь и вскинул руку с бутылкой пива. И многие вслед за ним вскинули руки и вторили его кличу, но все-таки, наверное, ради забавы. Мне хотелось на это надеяться.

Дженни далеко не столь воинственно, зато более целеустремленно отозвалась на перемену обстоятельств, приняв решение расстаться со своим кодексом ценностей – тот вдруг показался ей и устарелым, и бесперспективным – и заменить его новым, где в центре будут такие понятия, как любовь и семья: любовь, в которой она призналась обалдевшему Сан-форду, и семья, которую она планирует с ним создать, о чем и сообщила, утомленная первым безудержным актом в постели, куда он после недолгой внутренней борьбы позволил себя затащить, лежа в его потных объятиях и перебирая скудные седоватые волоски на его груди.

Дженни и сама удивлялась тому, сколь вождленным стал для нее вдруг этот тощий интеллектual, ровесник ее отца, ведь лишь несколько часов назад его жадные взгляды и нелепую попытку пуститься в пляс она приняла к сведению, забавляясь, и не более. Совершенно иным предстал Санфорд в свете нового дня, когда так естественно и так авторитетно взял на себя руководство, – он, который поставил в жизни на верную лошадку и не позволил блеску быстрых денег – как оказалось, преходящему блеску – выманить его из прочного мира духа. Кафедра в университете, который вот уже пять столетий сопротивляется бурям истории, выплаченный дом и жена – ну, ее-то можно вывести из игры одним движением упругого бедра. Пока не объявилась какая-нибудь другая, Дженни схватила быка за рога, а Санфорда – за руку, затащила его под пальму, прижала спиной к шершавому стволу, растегнула ему рубашку, призналась в любви, безоглядной, воспользовалась его нарастающим смятением, подогрела его похоть, проведя его рукой по своей упругой груди – прием, взятый скорее из устарелого каталога ценностей, но узаконенный тем, что это ведь рука ее будущего супруга, отца ее детей, – и тем самым она заложила камень в строительство нового будущего, хотя и двух часов не прошло с тех пор, как старое будущее стерли в прах жернова рынков.

Санфорд, на первый раз весьма удовлетворенный и постепенно обретающий вновь свой аналитический дар, вдыхал ненавязчивый аромат дорогого шампуня в волосах Дженни и пытался сопоставить смехотворное с упругим. Конечно, он выставляет себя на посмешище, тут он не обольщался. В его кругах смеются над стареющими мужчинами при подружках в возрасте их дочерей. Да он и сам всегда готов обозвать коллегу, если тот крутит со студенткой – тут он бросил на чашу весов тот факт, что Дженни давно уже вышла из студенческого возраста, – старым козлом и дураком. И уж совсем, наверное, смешон тот, кто на свадьбе собственного сына влюбился в подружку невесты, а Санфорд уже не сомневался, что влюблен. И смешон даже по собственным своим меркам. С другой стороны – Дженни с ее упругостью. Упругая Дженни. Упругость весит немало. Тем более что события на родине он счел провозвестием нового начала, однако не быть этому началу без подобных ему людей, которые на протяжении всей жизни знали, на чьей стороне стоять, и лучшие годы провели в размышлениях о том, как должно быть устроено общество. Взгляни в ином свете, и поймешь, что упругость ему по праву полагается *for the greater good*, ради блага в целом, – так он себя уговаривал. Мысль, на миг показавшаяся ему логичной, но позже не сыгравшая никакой роли, потому что он уже выбрал для себя и смехотворность, и упругость.

– С ужасом отвернулся я от этой сцены у бассейна и отправился на поиски Саиды, нашел ее в кабинете позади ресепшн и поинтересовался, как обстоят дела с трансфером, ведь я уже понял: следует покинуть это место поскорее. Саида – ее уверенность в себе все больше казалась мне маской – сообщила, что машина заказана и, по последним сведениям, водитель уже в пути, однако ей неизвестно, когда он сможет сюда добраться. Новости поступают все реже, она подозревает, что в столице, а то и во всей стране происходят какие-то перемены, но их непосредственные последствия она пока не в состоянии оценить. К сожалению, и отцу – уж он-то всегда в курсе любых, даже малейших, сейсмических толчков в стране – она вот уже несколько часов не может дозвониться. Конечно, мол, она могла бы предложить мне место в автобусе, который увезет англичан. Но на ее транспортной фирме все еще не завершены ремонтные работы по ликвидации последствий аварии с верблюдами, она теперь надеется найти автобус на замену, пока англичане не узнали, что и *British Airways*, и другим английским авиакомпаниям запрещены полеты в Тунис-Карфаген из-за неоплаты счетов. Последнее, мол, строго по секрету, ведь иначе есть опасность не избавиться от этих англичан вовсе. Вспомнив Квики с его отрядом у бассейна, я понял ее обеспокоенность, но с

другой стороны – сколь жестоко было бы вывезти в аэропорт людей, когда они и не подозревают, что там, в зале под кондиционером, окажутся как на острове после кораблекрушения.

Мой разговор с Саидой прервал Рашид, он появился в кабинете с транзисторным приемником возле уха и в сопровождении борзой со щенками, чтобы сообщить Саиде: вот уже два часа, как по радио передают только музыку. Тут мне и подумалось, что пора хотя бы собрать чемодан. Выйдя из главного корпуса, я увидел, как норвежка – помнишь, та, которая торгует зерном, у которой руки так приятно пахли, – решительно проволочла чемодан на колесиках, куда легко поместилась бы и сама, по всей пальмовой аллее и через каменную арку ворот ушла в пустыню. Эта картина меня попросту ошеломила, мне поместилось на миг, будто она ринулась на своих двоих и с чемоданом до самого Туниса. Из любопытства, но еще и в надежде, что она вдруг смогла организовать отъезд и мне удастся присоединиться, я пошел следом, миновал арку ворот в окружавшей отель стене и взглянул на бесконечно длинную ленту асфальта, пересекавшую пустыню. Норвежки не было. Растворилась в дрожащем горячем воздухе. Испарилась на раскаленном асфальте. Поздно я пришел, нельзя было выпускать ее из отеля. Такая крошечная. К тому же норвежка. С другой стороны, тут же одумался я, даже мелкие норвежки, торгующие зерном, обладают некоторой сопротивляемостью и не склонны к тому, чтобы растворяться в воздухе пустыни. Не помешало ли мне? Фата-моргана. Не повредился ли я рассудком? Я обернулся, и вот она! Сидит в тени под белой стеной на чемодане и болтает ножками. Я подошел и, как делаю всегда, попытался завязать разговор, полагая, что ей не повредят несколько ободряющих слов, но она пребывала в прекрасном настроении. Говорит, поступило указание до пятнадцати часов освободить номера, покинуть территорию и на выходе ждать автобусов в аэропорт. Вот она и выполняет это требование. Почему же не вести себя цивилизованно? Теперь ведь самое главное – добраться до дому как можно скорее. Я чуть было не сказал, что воздушное сообщение с Англией прекращено, но она сама меня прервала, поведав, что не собирается возвращаться в Лондон, а летит прямо в Осло, она рассматривает кризис как шанс начать все заново, ведь давным-давно мечтает в районе Грюнерлокка открыть кафе и выпекать капкейки, это такие маленькие американские кексы с цветной глазурью.

– Как видишь, – сказал Прейзинг, – люди по-разному вели себя в этой ситуации, и мне стало любопытно, как дела у моей приятельницы Пиппы, хотя я и не сомневался, что она ведет себя спокойно, мудро и осторожно. Тогда я еще не знал о позорном предательстве Санфорда.

Да, Прейзинг и понятия не имел, сколь роковым оказалось слияние реагентов смехотворности и упругости: теперь они хладнокровно, что и присуще первой поре влюбленности, намеревались столкнуть в пропасть невезучую жену социолога через тридцать пять лет совместной жизни.

Санфорд после очередного слияния с Дженни, когда она вновь продемонстрировала преимущества своей упругости, внутренне восстановился настолько, что все-таки убедил ее отказаться от идеи вместе уведомить жену о новом положении вещей, о нет, этим трудным путем ему придется идти в одиночку. Дженни неоднократно подчеркивала, сколь тяжелы для нее укоры совести, она мучается из-за распавшегося этого брака. Ни при каких обстоятельствах не хотелось бы ей выглядеть скотиной – правду говоря, она, поскольку в свое время семестр-полтора изучала биологию и вот уже три четверти часа придавала особое значение академическому стилю речи, употребила, может быть и не к месту, греческое слово *Schizomycetes* – «скотобактерии», тем самым несколько снизив экспрессивную силу своего высказывания. Санфорд рад был ее успокоить. После смерти дочери, вот уже три года, брак его висит на волоске, так что появление Дженни подобно, так сказать, гильотине, которая рассекла последний лоскут кожи между головой и туловищем – метафорически выражаясь,

конечно. Разрыв в данном случае есть лишь подтверждение статистического прогноза, ведь девять из десяти пар, потеряв ребенка, разводятся в течение последующих сорока восьми месяцев. А это доказывает, вступила Дженни, что даже и любовь подчиняется власти цифр, подобно тому, как овца подчиняется пастушьей собаке, а та, в свою очередь, пастуху – понятно ли она выражается? «Конечно, это ведь *causal chains*», – заверил Санфорд и поцеловал ее в темечко. «Да, – обрадовалась Дженни, – причинная цепочка, такая же крепкая, как та, что связывает нас». Тут уж у него голова совсем пошла кругом, и он, с облегчением вылезая из этой семантической засады, натянул песочного цвета шорты на голую задницу, напялил сандалии и отправился ставить точку в супружеской жизни.

Широко расставляя ноги, наслаждаясь приятной опустошенностью внизу живота, он поднялся по ступеням на «террасу бая», где нашел свою жену в том же положении, в каком оставил ее несколько часов назад: глаза закрыты, лицо обращено к солнцу Африки.

Но ничто не изменилось лишь для такого невнимательного наблюдателя, каким был в ту минуту Санфорд. На самом же деле Пиппа уже прошла часть рискованного пути к настоящему солнечному удару, пути, которым она наслаждалась шаг за шагом, уж до того ощущения, связанные с ним, как-то: прогрессирующая дегидратация, пляшущие перед закрытыми глазами пятна, легкое головокружение, – отвечали состоянию ее психики, ее шатаниям и колебаниям.

Разговор состоялся кратчайший. Санфорда обидел ее звонкий смех.

– Пиппа, как я увидел, – рассказывал Прейзинг, – сидела с прямой спиной на самом краешке восточного ложа. Взгляд устремлен вдаль. Попросила меня присесть рядом. Не ведая о только что произошедшем, я поинтересовался ее самочувствием. Она попробовала выдавить из себя улыбку, но внезапно разразилась потоком слез. С самыми лучшими намерениями я взял было ее за руку, все еще связывая этот плач с экономическим положением Британии. Резким движением скинула она мою руку, поднялась, покачнулась, сделала неуверенный шаг в сторону обрыва, и не стоял бы там вычурный резной столик, на котором она замерла – полусидя, полулежа, – так лишь мое решительное вмешательство могло бы спасти ее от полета к пальмовым верхушкам. По моему настоянию пришлось ей признаться, что она сидит здесь с раннего утра, изгнанная из постели бессонницей, и ни капли не пила, ни крошки не ела. Я выразил намерение незамедлительно проводить ее до семейного шатра, и тут она сказала, что именно туда отныне не ступит ни ногой, зато просит моего разрешения отдохнуть в шатре у меня. Пожелание это я немедленно исполнил, привел ее, поддерживая на ходу, в роскошное свое жилище, там она глотнула воды и рассказала мне о постыдном и – тут мы были едины – смехотворном, невыносимом для Пиппы поведении Санфорда. По ее просьбе, я прикрыл ей разгоряченный лоб охлаждающей влажной салфеткой, а когда потихоньку выскользнул из шатра, она уже уснула.

Обойдя подальше бассейн, откуда неслся мятежнический шум, Прейзинг отправился искать Саиду, чтобы попросить у нее какой-нибудь еды и разделить трапезу с Пиппой. Вместо Саиды ему попался смотритель бассейна: прилипнув к телевизору, он глазел на какого-то человека с прокламацией в руке. Прейзинг терпеливо выждал, пока человек замолчит, и узнал от Рашида, что неожиданный альянс – отколовшаяся группа братьев-мусульман и марксисты-ленинцы из «Фронта 14 января» – воспользовался удобной минутой, то есть кризисом капитала, чтобы привести арабскую весну ко второму расцвету. На сей раз решено дойти до конца, железной метлой вымести всех этих толстосумов, всех прислужников и баловней режима, которые безболезненно пережили его свержение и жили в Тунисе при демократии чуть ли не лучше прежнего, потому что поделили между собой теплые местечки

тех, кого свергли, но теперь-то их имущество перейдет в руки законного владельца, а именно тунисского народа. Сочтены дни могущественных и богатых семейных кланов. Прейзинг догадался, причем верно догадался, что к последним относятся также и Малуки, не на шутку перепугался, забеспокоился как о Саиде, так и о себе самом, все-таки он в гостях у Малуков, и тут его не смог утешить даже смотритель бассейна, хотя и уверял, что Малуков лишат имущества, а не головы, все-таки мы в Тунисе живем не при Бен Али.

Прейзинг нашел Саиду – она курила, размахивала руками, кричала в телефон – в песчаном дворе позади хозяйственных построек, где в тени под пальмой изнывал вчерашний верблюд. Саида не скрывала своей озабоченности, но и не распространялась об истинной серьезности положения. О том, что ее отец вовсе не ночует у любовницы, как она предполагала, а уже арестован. О том, что Интерпол с ордером на арест разыскивает ее брата во Франции, но тот, к счастью, проходит практику у одного крестьянина в горах, в Вогезах, чего не знает даже отец. О том, что сыщики наверняка уже на пути к резорт-отелю *Thousand and One Night*. Обо всем этом она умолчала, но заверила Прейзинга, что ее машина с шофером прибудет с минуты на минуту. Прейзинг все-таки спросил, не лучше ли на первой же попутке уехать в Тунис, да как можно скорее. Но, оказалось, на последней попутке только что сбежал повар из Каринтии, причем он забыл оставить ключи от кладовых и холодильников, поэтому Прейзинг отправился назад к Пиппе с полными руками орешков в меду и картофельных чипсов в пакетиках.

Но эта диета – жирные кислоты, углеводы, электролиты – подошла учительнице английского как нельзя лучше и придала ей сил. Пока Прейзинг тщательно собирал чемодан, Пиппа вскрывала пакетик за пакетиком, большими глотками запивала содержимое лимонной водой из кувшина, стоявшего на столике у кровати, на глазах становилась бодрее, пришла в возбужденное состояние и теперь казалась явно более здоровой, чем на грани обезвоживания и перегрева, но заодно она лишилась, увы, того достоинства, с каким молча сидела на солнце. В выражениях, которые Прейзинг счел шокирующими, хотя и отчасти понятными ввиду обстоятельств, она принялась потешаться над смехотворным поведением мужа. Попытка чересчур примитивная, чтобы сделать честь такой умной женщине, как Пиппа, особенно когда она принялась поносить бывшую сотрудницу банка с ее немецким спортивным авто. Тут Пиппе лучше бы промолчать. «Величественно промолчать, быть выше!» – так подумал Прейзинг, с легкой грустью отправив в мусорное ведро протекающий флакон розовой воды. Такой уж он был, Прейзинг. Ведь она, Пиппа, терзаемая противоречивыми чувствами, оскорбленная, обиженная, одержимая жаркой ревностью и холодной ненавистью, твердила теперь про юный возраст своей соперницы, прекрасно зная, что на этом поле игра на равных невозможна по биологическим причинам, и пыталась Прейзинга вопросом, бросилось ли ему в глаза, какая та гибкая и упругая. Он подтвердил, молча кивнув головой, хотя вопрос носил риторический характер и ответ его не имел значения. Но вообще-то, продолжала Пиппа, она ревнует вовсе не к Дженни, той придется теперь возиться со старым занудливым дураком, нет, она ревнует к Санфорду – из-за этой самой упругой Дженни. Кулаком нанося удар за ударом по мягкой подушке, она договорилась до того, что, мол, если б было чем трахнуть, так она бы трахнула эту упругую Дженни! При этих словах Прейзингу пришлось, проклиная силу воображения и утирая потный лоб, вступить в борьбу с потоком картинок, вдруг замелькавших в его мозгу, так что у него не осталось сил сопротивляться англичанке, которая вдруг обвила его ногами и крепкой рукой схватила за шею. Дошло бы и до крайнего – может, вовсе не на радость им обоим в смятении чувств, – когда бы их не спугнул душераздирающий предсмертный крик верблюда.

Тут Прейзинг вновь остановился посреди дорожки. Я сделал несколько шагов вперед в надежде побудить и его двигаться дальше, но он стоял неподвижно, уперев руки в боки. И продолжал свои рассуждения:

– Пустое дело, ни к чему оно... Пиппа искала не меня. Был бы у нее фаллос, а ей только того и хотелось, она бы пронзила им упрямую Дженни.

С таким видом, будто эти слова внесли какую-то ясность в его рассказ, он снова двинулся вдоль желтой ограды, и я за ним.

Шум, который Прейзинг слышал и старательно обошел, когда искал Саиду и хоть какую-то пищу, исходил от той группы, что сплотилась вокруг Квики да Вилли, и причиной имел истощение пивных запасов, к тому же нехватка пропитания, ведь, кроме куска лепешки на завтрак, никому ничего не досталось, постепенно портила настроение. Забота о хлебе насущном, о которой все умалчивали, чтобы не разочаровать Квики, в конце концов вылилась во взрыв общего негодования. Квики, руководитель с большим опытом, быстро сообразил, что пора принимать меры, поэтому отряд во главе с ним двинулся в сторону кухонного узла, и на пути им не попала ни одна живая душа из прислуги, еще вчера ненавязчиво заполнявшей территорию. Зато они столкнулись с вереницей печальных существ, включая жениха и невесту, которые во исполнение приказа Саиды об эвакуации тащили за собой чемоданы, чтобы составить компанию маленькой норвежке, за стенами отеля устремившей взор в бесконечные дали пустыни и мечтавшей о витрине с цветными кексами. Обменялись словечком-другим, но без всякого интереса, слишком далеко они разошлись, и сказать уж было нечего. Как два разных народа, исполняющие собственные обряды, миновали они друг друга.

Захватнический отряд Квики беспрепятственно ворвался в кухню, но даже с помощью тяжелой колотушки для мяса не сумел сломить оборону массивных стальных дверей холодильной камеры. Тогда, решил Квики, придется отправиться на охоту. И тут же занялся вооружением своего отряда, достав самые острые ножи из большого шкафа. Именно в эту минуту Вилли вспомнились его жена и дети, и он незаметно удалился.

Далее произошли два случайных и нелепых события, они-то и привели к неразберихе, кульминацией которой стала катастрофа – огонь и кровь.

Во-первых, там находился хозяин верблюда, он же поклонник Руни и поддельный туалет. Вообще-то по плану он должен был после выступления привязать верблюда к пальме за хозяйственными постройками, постелить рядом принесенную с собой циновку, улечься и ждать рассвета, чтобы уже тогда с жалким своим гонораром за участие в мероприятии и предоставление верблюда отправиться восвояси. Однако он, не сумев избежать соблазна, прихватил целое блюдо креветок-темпура под соусом харисса, оставшееся в баре, когда все общество удалилось на банкет. Правда, он надеялся осчастливить этим блюдом Рашида, но тот вместо благодарности выпустил лишь несколько колечек гашишного дыма из своей трубки. Тот ведь не знал, что Рашид, переселившись в пустыню, отрекся не только от плаванья, но и вообще от моря и его продуктов. Короче, ничего ему не оставалось, как только слопать в одиночку незнакомую еду, которая поначалу пробудила в нем прекраснейшие мечты о далеких мирах. Бедолаге этому, непривычному к белковой пище, всю ночь казалось, что он вот-вот отдаст концы, фонтанами его рвало на циновке рядом с верблюдом, а тот, очень довольный поднесенными дарами, ловко вылизывал блевотину в песке. На рассвете Рашид, сжалившись над обессиленным вконец человеком, уложил его в собственную постель, где тот метался в жару весь следующий день, пока верблюд стоически дожидался его под пальмой.

Во-вторых, там были еще двое: занудливый социолог, не терпящий вмешательства в свои планы, и швейцарец-бизнесмен; и как-то раз они вместе сидели за металлическим столиком на площади в тунисской деревне и попивали сладкий чай, но бизнесмен в заляпанных пятнами штанах отвлекся, увидев жирного чиновника с сигаретой «Бусетта» в окне жандармерии, и тогда англичанин пустил в ход тяжелую артиллерию и рассказал ему историю про верблюда с начинкой, но Прейзинг не принял эту историю за чистую монету, распознав в ней обычную байку, а вечером об этом уже и не вспомнил, когда решил покрасоваться перед хмельной компанией молодежи и в точности ее пересказал.

Очень скоро вооруженному ножами войску Квики попался на глаза верблюд под пальмой, а поскольку сам Квики соображал на удивление быстро, но литературу знал плохо и накануне слушал Прейзинга лишь вполуха, он при виде верблюда решил испробовать тот самый рецепт, вдохновив своих приверженцев перспективой отведать подлинное тунисское свадебное блюдо. Верблюда – тот легонько постанывал – отвязали от пальмового ствола и на веревке повели к бассейну. На упреки некоторых из отряда, что, дескать, нету у них ни барана, ни козы, нету и куропаток, Квики отвечал следующим соображением: чрезвычайные обстоятельства требуют проявить дар импровизации в полной мере, и уж как-нибудь, да найдется, чем начинить верблюда. Рашид, привлеченный верблюжьими стенаниями, появился у бассейна в сопровождении своей собаки с четырьмя игручими щенками поистине в неурочный час, и уж совсем глупо было связываться ради защиты животных с этой сворой пьяных людей, которые в чужой стране чувствовали себя ненужными обломками кораблекрушения. Вообще-то Квики хотел просто пошутить, ведь собаками он не питался: с оголенным торсом, закатав штаны, театрально перекидывая нож из одной руки в другую, он надвигался на зрителя, но тот встал грудью за собак и выставил кулаки. Тот самый юноша-блондин, что накануне ночью подставлял свое плечо Квики с преданностью новичка студенческой корпорации, сзади подкрался к Рашиду и той самой теннисной ракеткой, которая помогла Вилли добраться до пива, со всей силы стукнул его по голове. Удар подкосил бывшего зрителя как свежий пальмовый росток, и он рухнул в бассейн лицом вперед. Пока могучие его легкие заполняла вода, ему слышались удары колокола с желтого бугра.

Теперь, когда пролилась кровь, когда гибель зрителя в воде встретили победным ревом, Квики понял, что дело вышло из-под контроля, а еще он понял, что из этого безумия нет пути назад, ухватился за веревку, силой заставил верблюда упасть на колени, под визг бывших своих сотрудников придавил ему ногами шею – стонущий верблюд устремил на него невинный взгляд огромных глаз – и сильным, точным ударом вонзил длинный нож прямо ему в сердце.

Протяжный, хриплый стон умирающего животного, донесенный ветром через пальмовую рощу и плотную ткань в белый шатер, спугнул тех двоих и прекратил их жаркую борьбу.

– Колотится сердце, и мы стоим друг против друга в моем шатре, между нами опрокинутый кувшин. Инстинктивно мы оба поняли, что слышали предсмертный вопль живого существа. Я предлагал никуда не ходить, Пиппа жаждала ясности. Неохотно потащился я за ней в сторону бассейна, откуда неслись хаотические крики и громкий собачий лай. Спрятавшись за низкой каменной стенкой и цепляясь друг за друга так, будто вот-вот потонем, мы стали свидетелями ужасного зрелища. Мертвого верблюда общими силами подтащили за веревку и подвесили задними ногами к креплению пляжного зонта, устройством напоминавшего гильотину, сильным ударом рассекли ему живот, так что внутренности изверглись на глазурованную плитку. Худенькая брюнетка в бикини по самый локоть засунула руки в мертвое тело и ковырялась внутри, остальные пытались отодрать от мяса мягкую шкуру. Квики точным ударом заставил умолкнуть борзую, ведь та с бортика в панике таякала на своего хозяина, чье бездвижное тело покачивалось на воде. Затем Квики решил разобраться

со щенятами – они ведь скулили – и по очереди перерезал им глотку. Онемевшие при виде чудовищного зрелища, неспособные даже пошевелиться, неспособные вмешаться или даже сбежать, хотя это было бы самым разумным, мы с Пиппой так и прятались за нашей стенкой. А те совсем разошлись: одни складывали костер из пляжных лежаков в песке под пальмами, другие потрошили борзую, чтобы набить тощий материнский живот ее же собственными щенками, убитыми предательской рукой, и разбухший ее труп запихнуть в зияющий кроваво-красный провал в тулове верблюда. Деревянные лежаки вспыхнули ярким пламенем, когда верблюда с начинкой потащили к костру, но до дела не дошло: огонь перекинулся на пересохшую внизу кору пальмы и в секунду сожрал ее высокий стройный ствол, и в ту же секунду огонь охватил верхушку, и вот уже вся пальма затрещала и захрустела, горящим факелом освещая наступающие сумерки.

Когда огонь, подпитанный горячим воздухом пустыни, перекинулся на соседние пальмы, когда горящие и тлеющие пальмовые ветви дождем посыпались сверху и вся свора разбежалась, Пиппа и Прейзинг тоже пустились в бегство, но разбушевавшийся пожар преградил им дорогу, в чаду и пламени искали они выход, дым застил глаза, и они потеряли друг друга из виду. Англичане в панике носились среди пальм, кричали. Над их головами лопались от жара и трещали пистолетными выстрелами финиковые косточки. Шатры вспыхнули и медленно опустились, подобно подбитым птицам, на дорожную мебель. Прейзинг бежал, стараясь описать как можно более широкую дугу, к главному корпусу и выкрикивал имя своей спутницы. Позади полыхала огнем добрая половина оазиса. И вдруг перед ним спасительный яркий луч автомобильных фар прорезал дымовую завесу. Он услышал, как его зовут по имени. Саида затащила его на заднее сиденье внедорожника, который ее шоферу удалось вовремя провести на территорию через задние ворота. Кашляя, задыхаясь и почти ослепнув от едкого дыма, с подпаленными волосами и тлеющими угольками под воротничком рубашки, он почувствовал, как мощный внедорожник срывается с места. Дорогу впереди перегородили горящие бревна – стволы пальм. Водитель подал назад, обогнул здание, пронесся по цветочным клумбам, объехал фонтан – только резина задымилась, – не глядя на гостей отеля, пытавшихся остановить его автомобиль, свернул в полыхающую огнем аллею, обогнал бегущих в панике людей – те бросились врассыпную, – с треском раздавил брошенные твердые чемоданы и вырвался через арку ворот с территории резорт-отеля. Бесконечным караваном англичане, подобно древним израильтянам, тянулись по прямой как стрела дороге, волоча за собой багаж, отбрасывая неверные тени на песок, отливающий огненным цветом. Прейзинг промчался мимо них в мощном и надежном внедорожнике, прижавшись измазанным сажей лицом к стеклу и пытаясь в отсветах полыхающего пожара отыскать среди беженцев свою спутницу. Долго еще смотрел он в заднее окошко на адский пожар, озаривший пустыню мерцающим светом, окрасивший небеса огненными всполохами.

VII

Водитель Саиды вел внедорожник с выключенными фарами сквозь лунную ночь. Черная лента асфальта отчетливо выделялась на фоне светлого песка. Потом свернули с шоссе. По узкой щебеночной дороге ехали, включив огни. В конусе дальнего света фар вдруг да и возникал какой-нибудь перепуганный зверь с горящими глазами, и Прейзингу казалось, будто эти глаза видят его насквозь, проникают в самую глубь его существа, где навечно сохраняются кровавые сцены. Но зверь, вскинув задние лапы, пропадал в темноте пустыни, оставлял его наедине с двумя безмолвными спутниками. Почти незаметно менялся ландшафт. Песок и щебень уступали место древним скалам. Дорога шла вверх крутым серпантинном. Защищенные, будто скрытые в материнской утробе, безосколочным стеклом, кремового цвета алькантарой и полированной обшивкой из ценных пород дерева, под чистым звездным небом пересекли они суровое нагорье. Он окончательно утратил чувство времени. Пустыня сменилась густой растительностью.

– Помню, мы остановились на каком-то одиноком дворе. Заспанный хозяин оливковой плантации стоит у громадного нашего автомобиля, в руке недоверчиво сжимает ключи, которые вручил ему водитель Саиды. И мы продолжаем путь на стареньком «пежо». Прохладный ночной воздух, проникая сквозь щели в оконцах – они неплотно закрывались, – развеял кисловатый запах пролитого козьего молока. В предрассветных сумерках показались первые предместья Туниса. Саида закрыла лицо строгим, без всяких украшений, платком. В промышленной зоне машина остановилась у проволочного забора. Тут же, будто только нас и ждал, появился молодой человек и открыл ворота. В раннем свете наступающего дня я вышел из «пежо» возле низенького строеньица из гофрированной стали, разминая затекшие члены, но меня тут же затолкнули в помещение без окон.

Трудно сказать, что испытывал Прейзинг, когда его притащили в зал, ярко освещенный неоновым светом. Трудно сказать, понял ли он, захотел ли понять то, что увидел воочию. Худенькие, сгорбленные спинки детей, склонившихся к длинным столам. Сосредоточенная тишина, ни одного звука детского голоса, и на миг ему померещилось, будто он попал в учебное заведение. Привычные движения черных ручек с розовыми ладошками: электронная плата, соединитель, переключатель укладываются в пластмассовую коробочку. Худой высокий юноша, на вид темнокожий динка из Южного Судана, с запекшейся на ногтях кровью, отцепляет от фольги маленькие твердые стикеры и наклеивает точнехонько по углам пластмассовых коробочек. Красный логотип *Prixxing* – Прейзинг его вроде бы разглядел, – под ним слоган: *Genius of Swiss Engineering*²⁰, которым так гордился Проданович и за который Прейзинг заплатил так много денег рекламному агентству в Цюрихе. А в ушах у него – голос Монсефа Дагфуса. Ловкие ребята. Ловкие ребята. Прокуренная приемная, в садовом кресле какой-то человечек, при появлении Саиды не соизволивший даже ноги в растоптанных шлепанцах убрать со стола. В углу телевизор, можно посмотреть, как тунисский народ прогуливается по богато украшенной вилле. Такой же, как та, где дня четыре назад – да может ли быть, ведь кажется, это было так давно! – Прейзинг побывал в гостях. Захватанный стакан с крепким чаем он принял благодарно. Саида, сняв с головы платок, уснула глубоким сном на диване среди старых журналов и засаленной оберточной бумаги.

²⁰ «Гений швейцарских технологий» (англ.).

– «Ну что, вы вне себя от ярости?» – спросил меня низкорослый человечек. Был ли я вне себя от ярости? – вспоминал Прейзинг. – Нет, он не угадал, я просто возмущался, я вспоминал того молодого бизнесмена, который когда-то за столом, за телятиной в соусе по-цюрихски да за рёсти, не жалея слов, разъяснял мне, что дело с детским трудом, если смотреть здраво и с порядочного расстояния, не так-то просто. Вблизи это дело показалось мне совершенно простым. Простым и возмутительным. Однако человечек спрашивал вовсе не о том, я это понял, когда он заявил мне чистосердечно, что сам на моем месте точно пришел бы в ярость, ведь я оплачиваю Слиму Малуку компетентных совершеннолетних работников по полной стоимости, а теперь самолично убедился, что мои ценнейшие продукты собирают малолетние темнокожие африканцы. «Месье Малук на этом здорово наваривает» – вот так он выразился. Вот так-де меня и обманывают уже больше года, ведь именно тогда это отлично налаженное – тут он ткнул пожелтевшим от курева большим пальцем в свой выпирающий живот – и известное своими непревзойденно низкими ценами сборочное предприятие Слим Малук выкупил на выгодных до неприличия условиях у наследников своего конкурента, который был человеком отважным, ведь он с одной только лопатой и ведром песка в руке попытался унять пожар на фосфатном заводе и в результате этого происшествия потерял голову. Да, говорит, но у него ко мне интересное предложение. Говорит, с бизнесом семейства Малук все равно покончено, а это предприятие как бы не фигурирует ни в каких документах и, значит, не будет со скандалом национализировано, поэтому он изъявляет готовность управлять им и дальше на свой страх и риск, а в новой для него функции, то есть в качестве хозяина, он впредь готов немного уступить в цене.

Сочтя, что самое мудрое в сложившейся ситуации – просто не вдаваться в подробности этого позорного и преступного предложения, я ответил на него презрительным молчанием.

Это молчание следует расценить как утрату дара речи от беспомощности. Но Малуков изменник расценил его по-иному и неверно, ибо принял Прейзинга, несмотря на жалкий его вид или, может, как раз из-за жалкого его вида – Прейзинг не брился уже сутки, что в сочетании с подпаленной одеждой и вставшими дыбом волосами придавало ему эдакий удальской вид, – принял его за крепкий орешек и ради доказательства того, что он и сам не хуже, вытащил из глубин своего серого габардинового пиджака телефон и уведомил органы о том, что у него в руках дочь Слима Малука.

Четверо в форме забрали Саиду. За волосы проволокли ее мимо длинных столов, над которыми детишки склонили головы, даже не подумав отвлечься от работы. Низкорослый человечек изо всех сил вытянулся, чтобы обнять Прейзинга за плечи, вывел во двор и еще раз обратил его внимание на чистоту всей заводской территории. Молоденький полицейский открыл дверцу патрульной машины. Прейзинг почувствовал, как чья-то рука коснулась его волос: это тот человечек заботливо предупреждал, чтобы он не ударился, садясь в машину. «Дайте знать, – сказал человечек на прощание, – когда мы сможем обсудить новые цены». Затем закрыл дверцу и помахал вслед отъезжающим. Прейзинг взглянул назад. Увидел, как Саида споткнулась и упала, как ее били сапогами и тащили за воротник костюма от *Рене Лезард* по горячему асфальту, как разорвалась блузка, как открылись бледный живот и синий бюстгальтер. И померещилось ему, будто он видел уже эту сцену, хотя и в ином контексте и при иных обстоятельствах, но вот вспомнить подробности ему не удалось, и из-за этого странного наложения вышло так, что спустя четверть часа, когда его высадили из машины у швейцарского посольства, Прейзинг уже и не знал точно, было все это с ним, нет ли.

Прейзинг завершил свою историю, описав возвращение в битком набитом туристами самолете и встречу с экономкой, ожидавшей его в аэропорту. И уж как тут не остановиться напоследок посреди дорожки!

– Ее лицо, – он поднял руки так, будто хотел нежно коснуться этого лица руками, – показалось мне в тот миг прекраснейшим на свете, ты ведь знаешь мою экономку.

Я и вправду ее знал, она навещала Прейзинга регулярно. Прейзинг направился к главному зданию.

– Пойдем, – сказал он. – Дело к ужину...

Так что же он хотел доказать? Доказать этой своей печальной историей, полной печальных случайностей? Историей, которая ничему научить не может.

Прейзинг и сам расстроился от собственного рассказа. На лице все написано: нос повесил, губы пересохли, глаза на мокром месте. Но сейчас я не мог его пожалеть.

– Так что ты хотел доказать? – жестко спросил я.

Тайное знание и печаль, кажется, содержались в его ответе.

– Ты опять спрашиваешь не о том, – сказал Прейзинг.